

Дерево-призрак

Автор:

[Кристина Генри](#)

Дерево-призрак

Кристина Генри

Злые сказки Кристины Генри

Лорен и Миранда все детство провели под сенью старого призрачного дерева, и даже загадочное убийство отца Лорен неподалеку не смогло изменить их традицию. Время шло, и, кажется, все жители города, включая полицейских, позабыли о трагедии и спокойно живут дальше.

Год спустя в городке случается еще одно убийство, и на этот раз жертвами становятся две девочки. Картина преступления своей странностью очень напоминает события прошлого года, но Лорен уже и не надеется, что полиция найдет убийцу.

Поэтому, когда девочку посещает видение о монстре, таскающем мертвые тела через лес, она решает разгадать эту тайну во что бы то ни стало, даже если всему остальному городу нет до нее никакого дела.

Кристина Генри

Дерево-призрак

Christina Henry

The Ghost Tree

© 2019 by Tina Raffaele

© Д. Невзорова, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается Алексис Никсон в Октябрьской стране.

Часть первая. Девочки

1

Июнь 1985. Среда

Лорен опустила взгляд на свои ноги, крутившие педали велосипеда. Она направлялась к лесу. На девочке были новенькие бирюзовые высокие кеды, в принципе похожие на конверсы Чак Тейлор, о которых она мечтала, но только неоригинальные, из супермаркета Кеймарт. Лейбла «Чак Тейлор» сзади на них не было, но кеды все равно выглядели довольно круто. По крайней мере, так считала Лорен.

По-другому было нельзя: мама не раз говорила, что фирменные кеды они себе позволить не могут. Зато бирюзовых в школе ни у кого не было. Цвет был такой яркий, что они будто светились в лучах летнего солнца, но осенью, когда Лорен

вернется в школу, они уже как следует поизносятся, так что она не будет выглядеть как лохушка.

Когда Лорен вернется в школу, ей будет уже почти пятнадцать (в конце ноября – еще пять месяцев ждать), а значит она окажется старше многих учеников девятого класса, но все же младше Миранды, у которой день рождения был неделю назад. Миранде никогда не надоедало напоминать ей об этом, ведь получается, что она получит права раньше, чем Лорен, но той было все равно: главное, что тогда можно будет ездить в школу на машине (пусть и не своей) вместо велосипеда.

Лорен знала, что мама против того, чтобы они с Мирандой встречались в лесу. Особенно после прошлого года, когда папу Лорен нашли неподалеку от той старой хижины. Мама считала, что это жутко и странно – гулять рядом с местом убийства твоего отца. Но Лорен мнение матери интересовало примерно настолько же, насколько мать – мнение дочери, то есть ни капельки. Мама никогда не любила папу так, как его любила Лорен. И не понимала, как той важно быть в лесу – в месте, где ее папа еще был жив.

Они с Мирандой всегда встречались у дерева-призрака. Это началось еще в детстве, так давно, что Лорен уже и не помнила, кому первому пришла в голову эта идея. «Встречаемся у старого призрачного дерева», – и вот они обе уже выходят из дома.

В тени таинственного леса они отправлялись на поиски приключений. Строили шалаши, бегали по ручьям, лазали по деревьям, катались на тарзанке. Неподалеку от хижины, запрятанной глубоко в лесу, они устроили секретную базу. Это было задолго до того, как там нашли папу Лорен, и к тому моменту девочки базу уже давно не использовали.

Но за последний год все поменялось. Миранде больше не нравилось пачкаться, кататься на тарзанке над журчащим ручейком, что извивался между деревьев, или валяться в сухих листьях. В основном ей теперь хотелось заниматься тем, что Лорен не привлекало: например, красить ногти, заплетать друг другу косы или говорить про парней, которых Миранда находила симпатичными, – и это всегда были парни постарше, парни, которым точно не могут быть интересны какие-то девятиклассницы.

Несмотря на это, девочки все равно предпочитали встречаться у призрачного дерева. Это было их особое место.

Лорен проехала мимо автокинотеатра «Имperiал», что на окраине города. Там показывали два фильма за один сеанс: «Балбесов» и «Кокон». Пустая парковка была завалена мусором, оставшимся с прошлой ночи: пустыми стаканчиками от попкорна, обертками конфет, окурками. Иногда Лорен помогала мистеру Харперу, хозяину кинотеатра, прибираться в обмен на 10 \$ и бесплатный билет на вечерний сеанс для нее и Миранды. Но «Балбесов» Лорен видела уже дважды, а «Кокон», по словам Миранды, был про стариков, так что на второй фильм девочки никогда не оставались.

Задняя сторона киноэкрана упиралась прямо в лес, который подбирался к самому городу. Городок назывался Смитс Холлоу, что значило Лощина Смита, и Лорен всегда нравилось это название, потому что оно навевало мысли о «Сонной лощине».

Каждый год на Хэллоуин Лорен смотрела с папой один мультфильм – «Приключения Икабода и мистера Тоада». И хотя в названии имя Икабода, главного героя «Сонной лощины», шло первым, сама история рассказывалась во второй половине фильма, и девочке она нравилась больше всего. Лорен всегда предвкушала момент, когда на экране появится Всадник без головы и с безумным хохотом начнет размахивать гигантским мечом.

В детстве во время этого эпизода девочка прижималась к папиной руке, и сердце ее начинало колотиться так быстро, но на самом деле бояться было нечего – папочка был рядом. Конечно, мультфильм ее давно уже не пугал, но каждый раз Лорен все так же прижималась к отцу. От него всегда пахло машинным маслом и смазкой, даже после душа, и еще подарочным мылом «Олд Спайс», которое она каждый год покупала ему на День отца.

Лорен не представляла, сможет ли в этом году на Хэллоуин снова включить мультфильм и посмотреть его вместе с младшим братом Дэвидом. Год назад мальчик был для него слишком мал.

В том году Миранда звала Лорен остаться у нее с ночевкой на Хэллоуин смотреть «настоящие» ужастики на кассетном плеере. У семьи Лорен магнитофона не было, и Миранда явно считала это аргументом против того,

чтобы гостить у подруги.

Раньше на праздник девочки всегда ходили по соседям просить конфеты, а когда их пакетики для сладостей заполнялись, отправлялись по домам. В прошлом же году Миранда не захотела идти вовсе, но после уговоров подруги в последний момент нарядилась в старые тряпки и заявила, что это костюм бездомного. Весь вечер она жаловалась, что собирать конфеты – детский сад и вообще отстой, и вспылила, когда Лорен сообщила, что ей пора домой.

– Я думала, мы вместе будем смотреть «Хэллоуин»! – возмутилась Миранда. – Сегодня же идеальная ночь!

Лорен покачала головой:

– В следующий раз. У меня кое-какие планы с папой.

– В следующий раз будет уже не то! Не могу поверить, что ты меня таскала по всему городу ради этих тупых конфет, а теперь мы даже не посмотрим ужастик!

Лорен протянула ей свой раскрытый пакет:

– Отдай конфеты мне, если тебе они не нужны.

Миранда скривила губы:

– А вот и нет. Я столько ради них ходила, я их и съем.

Взбешенная она отправилась домой, а в следующий раз, когда Лорен ночевала у подруги, девочки все же посмотрели «Хэллоуин». Или точнее Миранда посмотрела фильм, истерически хохоча каждый раз, когда маньяку удавалось кого-то прикончить, а Лорен выглядывала сквозь щелку в ладошке и надеялась, что ночью сумеет поспать без кошмаров. Ей ужастики не нравились. Миранда же к ним, казалось, привыкла.

В любом случае, Лорен была рада, что в тот раз она вернулась домой, потому что это был последний раз, когда она посмотрела с папой «Приключения Икабода и мистера Тоада». Меньше чем через месяц он умер.

Он умер, и никто об этом не говорил. Никто не говорил, почему и как это произошло. Начальник полицейского участка сообщил маме Лорен, что это, вероятно, был бродяга или какой-то псих, кочующий из города в город. Но девочке это казалось полной бессмыслицей. Зачем какому-то психу приезжать в Смитс Холлоу, чтобы убить ее отца?

Кроме того, никто так и не смог ей объяснить, что папа вообще делал в лесу поздно ночью. Каждый раз, стоило девочке завести об этом разговор, как губы ее матери вытягивались в нитку, и та чеканила: «Лорен, мы не будем это обсуждать».

Лорен доехала до опушки леса и притормозила. Взрослый велосипед с десятью скоростями ей подарили на прошлый день рождения, хотя она была для него низковата, и, вероятно, вряд ли когда-нибудь до него дорастет. Миранда сказала, что девочки перестают расти примерно через год после начала месячных, а у Лорен их не было, так что внутри нее еще теплилась надежда не остаться на всю жизнь 160 см ростом.

У Миранды месячные начались почти год назад, но ее родители оба были очень высокими, так что подруга обгоняла Лорен практически на пятнадцать сантиметров. Ее длиннющие ноги шикарно смотрелись абсолютно в любой одежде, и Лорен каждый раз приходилось подавлять в себе чувство зависти, вскипавшее при виде того, как классно, красиво и по-взрослому выглядит Миранда.

Лорен соскочила с велосипеда и покатила его в лес по дорожке, которую они протоптали с подругой. Колеса подскакивали на корнях деревьев, и вылетающие из-под них мелкие камешки впивались в голени девочки.

Некоторым не нравился лес у Смитс Холлоу. Точнее, он не нравился почти всем. Лорен не раз слышала, что его называют зловещим, жутким или страшным, но сама так не считала.

Ей нравились деревья, их таинственность, и всякая мелкая живность, которая шустро пряталась по кустам, слышав шаги гости. Здесь было где посидеть и поразмышлять, побыть наедине с собой, послушать шум ветра в листве. Нередко Миранда отправлялась домой, а Лорен оставалась в лесу одна, удобно устроившись у дерева с книгой в руках.

Даже отец Лорен говорил, что в лесу ему не по себе. «Каждый раз, когда я там оказываюсь, ощущение такое, будто за мной следят», – признался он однажды. Они стояли на кухне и мыли руки в раковине: Лорен перепачкалась в грязи, а папа – как всегда в смазке после работы в автомастерской.

«I always feel like somebody's watching me»[1 - «У меня постоянно чувство, будто за мной кто-то следит» (здесь и далее прим. пер.)], – Лорен напевала песню Майкла Джексона, хотя на самом деле девочка так не думала. Ей казалось, что если кто за ней и следит, то это явно кто-то добрый.

Лорен очень нравилась эта песня, но ее подруга была о ней невысокого мнения. В прошлом году Миранда открыла для себя альбом Def Leppard «Pyromania» и с тех пор крутила его без остановки – он играл каждый раз, когда Лорен оказывалась у нее в гостях. Песню «Rock of Ages» она определенно не захочет слышать до конца своих дней.

Дерево-призрак росло примерно в десяти минутах ходьбы от места, где Лорен слезла с велосипеда. Миранда уже ждала на месте: она стояла с прикрытыми глазами, прислонившись к дереву и сложив руки на груди. Лорен стало интересно, о чем она думает.

На Миранде была белая блузка без рукавов, расстегнутая на груди, и через вырез Лорен могла разглядеть детский бюстгальтер. Она тоже начала носить такой, хотя он ей особо не был нужен. К моменту, когда ей по-настоящему понадобится хотя бы детский бюстгальтер, Миранда уже, наверное, будет носить настоящий лифчик.

Блузка была заправлена в джинсы – конечно, известного бренда, – а края штанин касались белых кроссовок Adidas. Миранда всегда носила все фирменное, потому что ее родители работали управляющими на заводе консервированного мексиканского чили и возили ее за покупками в большой торговый центр в соседнем городе.

Кроме того, Миранда была единственным ребенком в семье, а значит ее родителям не приходилось переживать, чтобы денег хватило на вещи младшим. Лорен нередко слышала, как ее мама вздыхала, что когда у тебя рождается девочка, а потом мальчик, ничего нельзя использовать повторно. Хотя к моменту рождения Дэвида старых вещей сестры для него почти не осталось: он был на

десять лет младше Лорен, «посылка-сюрприз», как назвал его отец. А родители Лорен надеялись, что бессонные ночи с ноющим от колик младенцем остались позади.

– Ты где пропадала? – Миранда оторвалась от дерева, услышав лязг велосипедной цепи. – И во что это ты одета?

«Это ты во что одета?» – хотела спросить Лорен, но вместо этого опустила взгляд на свою футболку с символикой команды «Чикаго Кабс» и шорты из обрезанных джинсов и ответила:

– В одежду для игр в лесу.

Миранда встряхнула волосами – тщательно начесанной и залитой лаком гривой, утянутой в высокий хвост:

– Мы не будем играть в лесу. Нам что, девять лет? Мы пойдем в «Автоматы мечты».

– Почему ты просто не сказала мне заранее, что мы пойдем в «Автоматы мечты»? – спросила Лорен.

Она не очень любила игровые автоматы, кроме, разве что, пинбола, и особенно ей не нравилось ходить в «Автоматы мечты», ведь это значило, что Лорен придется стоять с Мирандой по углам и разглядывать парней, которых Миранда считала симпатичными.

– Тад меня туда позвал, – возбужденно прошептала Миранда, проигнорировав вопрос Лорен. – Он мне сегодня позвонил.

«Но мне-то зачем идти?» – подумала Лорен. Знай она о планах Миранды, прихватила бы книжку. Что может быть скучнее, чем глядеть, как какой-то парень играет в Пакмана? И вообще, что это за имя такое идиотское – Тад? Лорен сомневалась, что в принципе знает этого Тада. Становилось сложно отслеживать, какой парень на этот раз возглавляет бесконечно пополняющийся список интересов Миранды.

– Он сказал, что приведет друзей, так что для тебя тоже кто-то найдется, – закончила Миранда. Финальную фразу она произнесла с такой интонацией, будто подготовила для Лорен нереально крутой подарок и теперь ждала, когда уже та скажет, как она рада.

– Вот как, – ответила Лорен.

– Пошли. Брось велосипед, мы срежем через лес и выйдем позади магазина Фрэнка.

Продуктовая лавка «У Фрэнка» стояла прямо напротив «Автоматов мечты».

Лорен не нравилось выходить там, потому что за магазином всегда бегали крысы. Она постоянно просила маму не покупать там мясную нарезку.

– Не говори глупости, Лорен, – отвечала ей мать. – Естественно, на улице бегают крысы. Их привлекает мусор. Но это же не значит, что внутри они тоже водятся.

– Но и не значит, что их там нет, – мрачно парировала Лорен и не брала в рот даже ломтика ростбифа из магазина «У Фрэнка». А это значило, что питаться ей приходилось сэндвичами с арахисовой пастой, ведь мама всегда ходила за покупками к Фрэнку, если не ездила в большой супермаркет в соседнем городе и не покупала мясо там.

– Напомни, кто такой Тад? – спросила Лорен, прислонив велосипед к дереву. Она не переживала, что с ним что-то случится: никто не крадет вещи, принадлежащие призрачному дереву.

Миранда шлепнула Лорен по плечу тыльной стороной ладони:

– Он работает в «Старой телеге», помнишь? Мы же на прошлой неделе с ним виделись.

В памяти Лорен всплыл образ парня с сальными волосами, бросившего на прилавок два куса пиццы, когда девочки уселись на высокие барные стулья, не доставая ногами до пола. Он едва обратил внимание на Миранду.

- Тот парень? – спросила Лорен.

- Он так похож на Мэтта Диллона в «Изгоях», – сказала Миранда с придыханием.

- Не похож.

Обычно она пропускала подобные высказывания Миранды без возражений, но такое проигнорировать не смогла. Постер «Изгоев» висел у Лорен на двери спальни, так что она смотрела на Мэтта Диллона каждое утро. Тад не был на него ни капельки похож.

- Похож! – настаивала Миранда.

- Ничуть.

- В любом случае, он идет в одиннадцатый класс и у него «Камаро», – закончила Миранда, как будто это все меняло.

Каждый раз, когда подруга говорила что-то подобное, Лорен чувствовала, как нити, связывавшие их всю жизнь, рвутся одна за другой. Лорен было все равно, есть ли у Тада «Камаро», и прежней Миранде было бы тоже. Прежняя Миранда предпочла бы остаться в лесу, а не идти в «Автоматы мечты». Но прежняя Миранда исчезла в прошлом году, и Лорен до сих пор не понимала, почему вообще принимает ее приглашения.

«Может, просто бывает нелегко отпустить лучшего друга, даже если у вас не осталось ничего общего», – подумала Лорен и тихонько вздохнула.

Девочки вышли из леса позади магазина «У Фрэнка». Две крысы – большая и маленькая – бросили обгладывать хлебную корочку и спрятались за тремя мусорными баками, стоявшими у задней двери.

- Мерзость какая, – процедила Миранда, а Лорен задрожала и взвизгнула.

Раздался тихий смех. Лорен увидела Джейка Хэнсона, сына ее соседей, курившего позади магазина электроники, что стоял рядом. Он был старше нее на три или четыре года, и с раннего детства они почти не пересекались. Лорен

помнила, как однажды, когда ей было семь или восемь, Джейк показал ей, как правильно кидать бейсбольный мяч, и потом целых полчаса терпеливо ловил ее не слишком удачные броски.

Миранда двинулась в сторону узкого прохода между продуктовым и магазином электроники, полностью проигнорировав юношу.

Лорен остановилась – не в ее правилах было делать вид, что кого-то не существует:

– Привет, Джейк.

Он стал очень высоким – почти на тридцать сантиметров выше Лорен, но ремень, даже застегнутый на последнюю дырку, едва удерживал джинсы на его талии. Он был одет в черную форменную поло со словами «Лучшая электроника», вышитыми на левой стороне груди.

– Хэй, Лорен, – сказал он и выдохнул дым через нос.

Она подумала, когда его голос успел стать таким взрослым.

Джейк больше не звучал как мальчик, но, если на то пошло, он им больше и не был. Ему сейчас, наверное, около восемнадцати – достаточно, чтобы на щеках выросла настоящая щетина, а не жидкий пушок, как у большинства старшеклассников.

Он оценивающе оглядел ее с ног до головы. Что именно он в ней искал, Лорен не знала. Ей всегда нравились глаза Джейка: как их голубизна контрастировала с темными волосами, но теперь что-то в его взгляде заставило кровь прилить к ее щекам.

– Классные кроссовки, – сказал парень, и она не смогла понять, издевается он или говорит серьезно.

– Ло-рен! – нетерпеливо позвала подругу Миранда.

– Поторопись, – Джейк бросил окурок на землю и придавил подошвой своих черных ботинок. – Увидимся, Лорен.

– Да, – ответила она и побежала к Миранде. Лорен не знала, что ее так смутило, но ее это бесило.

– Ты что там делала? – спросила Миранда.

– Здравовалась, – сказала Лорен, раздражаясь еще сильнее, ведь подруга явно слышала их диалог.

– С такими неудачниками, как он, лучше не здороваться.

– Он мой сосед, – ответила Лорен. Ее лицо все еще пылало, и по опыту девочка знала, что щеки еще нескоро станут нормального цвета.

Миранда быстро оглянулась, чтобы проверить, что никто не подслушивает, и наклонилась поближе к Лорен.

– Он продает наркотики, – прошептала Миранда.

Лорен нахмурилась:

– Да ладно. Наркотики? В Смитс Холлоу? Откуда же он их возьмет?

– Наркотики есть даже в Смитс Холлоу, – загадочно ответила Миранда.

Все знания о наркотиках Лорен почерпнула из фильмов, где герои иногда курили травку. Миранда смотрела «Лицо со шрамом», а Лорен нет, так что теперь та строила из себя великого эксперта по кокаину и всему такому.

Девочки вышли на улицу, где располагались продуктовый и магазин электроники. «Автоматы мечты» находились прямо напротив. Все окна были открыты. Громкая музыка в сочетании с настойчивым пиканьем автоматов и редкими победными выкриками игроков была легко различима даже сквозь шум автомобилей на Мейн-стрит.

Лорен посмотрела в обе стороны, готовясь перейти дорогу, но Миранда ухватила ее за руку и указала на магазин «Лавка сладостей» неподалеку.

– Мне нужен «тик-так», – сказала она. – Я пообедала сэндвичем с тунцом перед тем, как Тад позвонил. Если бы я знала, что он позвонит, ничего бы не ела. Не хочу выглядеть толстой перед ним.

При этих словах она похлопала себя по плоскому, словно лист бумаги, животу, и взглянула на Лорен, будто ожидая, что та скажет: «Ты не толстая».

Но Лорен не обратила на нее внимания. По дороге к «Лавке сладостей» им придется пройти мимо большой витрины «Лучшей электроники». Джейк Хэнсон вернулся с улицы и стоял за прилавком, склонившись над грудой черного пластика и проводов.

Лорен быстро отвела взгляд: во-первых, чтобы никто не заметил, как она пялится, а во-вторых, девочка не знала, как ей поступить, если Джейк все же поднимет голову – помахать ему или лучше сделать вид, что она его не видит? Лорен перевела взгляд на дорогу и проезжающие машины.

Вниз по Мейн-стрит ехал бордовый автомобиль. Пока он не скрылся из виду, Лорен притворялась, будто внимательно разглядывает лицо Миранды. Единственным человеком, при котором Лорен было легко делать вид, будто она его не замечает, была ее мать.

2

– Пошли, Дэвид, – сказала Карен Ди Муччи, отстегивая ремень безопасности и вытаскивая сына с заднего сиденья автомобиля. Ей повезло найти парковочное место прямо перед магазином «У Фрэнка», так что настроение ее могло бы быть и получше. Идти целый квартал, а то и два, с Дэвидом в одной руке и покупками в другой, всегда страшно утомительно, особенно в июньскую жару. Сегодня Карен это не грозит.

Лорен даже не посмотрела на меня, когда я проезжала мимо.

Она постаралась не позволить ноткам раздражения просочиться в ее голос, но Дэвид все же расслышал едкие интонации и поднял на мать серьезный вопрошающий взгляд.

– Идем, купим всякого для сэндвичей, – сказала Карен, стараясь звучать дружелюбнее, – а потом возьмем мороженого в «Лавке сладостей», хорошо?

– Халашо, – ответил Дэвид.

Лорен с Мирандой к тому моменту уже точно успеют уйти из магазина, подумала Карен. Нет, она не избегает собственной дочери. Просто Карен знала, что сейчас при встрече с Лорен она не сможет сдержать раздражение и все ей выскажет, а потом девочка весь вечер не будет с ней разговаривать, обидевшись, что ее опозорили на людях.

Карен поставила Дэвида на ножки и взяла за руку. Малыш не пытался вывернуться или убежать прочь, в отличие от многих четырехлеток. Вот Лорен в свое время была именно такой – вечно пыталась отделаться от матери, даже когда была совсем маленькой.

Как приятно было попасть после удушающей уличной жары под кондиционеры продуктового магазина. В прогнозе погоды в «Вестнике Смитс Холлоу» говорилось, что сегодня воздух прогреется до тридцати градусов, но по ощущениям было гораздо жарче – ветер совсем не дул. Зной будто опустился на город и застыл, особенно на Мейн-стрит. Укрыться в тени деревьев было невозможно: какое-то время назад городской совет решил, что леса вполне достаточно и не следует тратить деньги на озеленение улиц.

Карен встала в очередь. Перед ней было еще три человека, всех она когда-то прежде встречала, но близко не знала. В маленьком городке вроде Смитс Холлоу почти всех знаешь в лицо. Карен с благодарностью подумала, как хорошо, что ей не придется принимать сочувствующие взгляды и вести неловкие вежливые беседы со знакомыми.

В последнее время она боялась выходить из дома именно по этой причине: вдруг наткнешься на члена школьного родительского комитета или кого-то, кто раньше чинил машину в мастерской Джо. На людей, которые не были достаточно близки с Карен, чтобы называться друзьями, но которые все же считали

необходимым остановиться, поинтересоваться, как у нее дела, погладить по плечу и поведать, как они надеются, что скоро все наладится.

Карен предпринимала все возможное, чтобы эти встречи закончились как можно скорее: поглядывала на часы, говорила, что спешит по делам, – лишь бы человек ушел. Она ненавидела это фальшивое сострадание и то, как все диалоги постепенно сводились к сочувственным вздохам.

В очереди Дэвид терпеливо ждал рядом с мамой. «Серьезно, он лучший ребенок на свете», – подумала Карен. Малыш был добродушным, внимательным и всегда спокойно относился к необходимости подождать. Он просто разглядывал все вокруг своими огромными карими глазами – их форма и цвет настолько точно совпадали с ее собственными, что никто никогда не мог удержаться от восклицания, что он выглядит «абсолютно как мамочка», – и размышлял о своих детских делах.

А потом, оставшись наедине, пока Карен накрывала ему обед или по дороге в банк или за игрой в песочнице во дворе, Дэвид рассказывал ей про свои думы, и мать всегда поражало, какие глубокие мысли возникали в голове ее четырехлетнего сына.

– Мистер Адамчек хочет, чтобы все видели его деньги, – однажды сказал Дэвид.

Карен, заполнявшая в тот момент таблицу учета доходов и расходов, стараясь не разрыдаться при виде того, как на глазах таяла сумма остатка на счету, посмотрела на него. Дэвид сидел на полу кухни и лепил из пластилина. Вокруг были разложены газеты, чтобы не запачкать пол – он сам это предложил, не она. Да, таким Дэвид был ребенком.

– Почему ты так решил? – спросила Карен.

– Он всегда очень долго убирает сдачу, а иногда стоит у прилавка и специально держит кошелек открытым, пока разговаривает, – ответил Дэвид и скатал из красного кусочка пластилина новую фигурку.

В тот день утром Карен по пути из библиотеки остановилась в универмаге, потому что дома кончилось молоко. Покупать его в этом магазине ей не нравилось: тут оно обычно стоило на 10–20 центов дороже, чем в продуктовом,

но туда ей было не по пути, и ехать далеко совсем не хотелось.

Действительно, в очереди стоял Пол Адамчек и покупал три пачки «Мальборо», и, если подумать, он и правда все время держал кошелек приоткрытым, чтобы окружающие могли заметить стопку двадцатидолларовых купюр.

– Однажды его ограбят, если так будет продолжаться, – пробормотала Карен.

– Он уверен, что никто не посмеет, – ответил Дэвид. – Мистер Адамчек думает, что он очень крутой.

Карен поразились, как Дэвид пришел к такому выводу. Пол и правда считал себя крутым парнем, и ей было интересно, что навело сына на эту мысль.

Воспитательница в детском саду поначалу считала, что с Дэвидом что-то не так – он много молчал. Малыш любил играть с другими детьми и со всеми прекрасно ладил, но говорил редко. Люди часто ошибочно заключали, если ребенок не говорит, то он глупый. Дэвид глупым не был. Он просто думал, прежде чем что-то сказать, и чаще смотрел и слушал, чем говорил.

– Добрый день, Карен, – поздоровался Фрэнк, когда она наконец добралась до прилавка. Продавец немного наклонился, чтобы разглядеть Дэвида, – как поживаете, молодой человек?

Дэвид помахал Фрэнку, и тот подмигнул ему в ответ.

– Чего желаете?

Карен зачитала по списку:

– Полфунта индейки, полфунта американского сыра, четверть фунта ростбифа.

Когда ее муж был жив, Карен заказывала всего в три раза больше: Джо каждый день обедал двумя сэндвичами и не любил, если она не докладывала мяса. Но Джо умер, а Лорен отказывалась есть что-либо из лавки Фрэнка, так что не было смысла закупать гору еды – все равно есть некому. А Карен не могла себе позволить выбрасывать купленное.

Пока она ждала, женщина взглянула на готовые салаты, лежавшие у Фрэнка в холодильнике. Как просто было бы прихватить к обеду картофельного салата, но приготовить его самой точно получится дешевле, тем более в кладовке завалялось несколько картофелин.

Фрэнк отдал Карен заказ вместе с леденцом на палочке для Дэвида. Он держал конфеты за прилавком для своих – как он их сам называл – «особых покупателей».

– Спасибо, мистер Фрэнк, – сказал Дэвид, когда Карен передала ему леденец.

Карен благодарно улыбнулась продавцу.

– Как ваша девочка? – спросил Фрэнк. Карен была последней в очереди.

Женщина пожала плечами:

– Ох, сами понимаете. Подросток.

У Фрэнка было три взрослых дочери, так что он знал, каково это.

– Ничего, через пару лет она опять станет человеком. Держитесь.

– Держусь, – печально ответила Карен. – Из последних сил.

Фрэнк рассмеялся и помахал Дэвиду:

– Позаботься о маме, хорошо, Дэвид?

Тот серьезно кивнул:

– Халашо, мистер Фрэнк. Позабочусь.

Карен и Дэвид вышли под палящее июньское солнце.

- Мороженое звучит как отличная идея, правда, дружок?

Дэвид аккуратно спрятал конфету в карман шорт, чтобы приберечь на потом.

- Но мы еще не обедали.

- Думаю, сегодня мы можем позволить немножко сладкого перед обедом. Как считаешь?

Он улыбнулся:

- Как скажешь, мамочка.

- Тогда решено, - Карен подхватила упаковку мясной нарезки. Мороженое надо будет есть очень быстро, а то в такую жару мясо испортится еще до возвращения домой.

Они прошли всего пару шагов, как вдруг Дэвид встал посреди тротуара как вкопанный.

- Что такое? - спросила Карен.

Дэвид наклонил голову сперва в одну сторону, а затем в другую, будто прислушивался к звукам вдалеке.

- Миссис Шнайдер, - произнес Дэвид. - Кричит.

- Что? - мать присела на корточки, чтобы заглянуть мальчику в глаза. Они фокусировались на чем угодно, но только не на ней. - Дэвид, что происходит?

Его взгляд прояснился. Он посмотрел прямо на мать.

- Я же сказал, - ответил малыш. - Это миссис Шнайдер. Она кричит. Там столько крови.

Миссис Шнайдер целое утро разглядывала новых соседей из дома напротив сквозь щель в занавесках. Куда катится мир, раз мексиканцы могут переехать на приличную улицу, где живут приличные люди, даже не спросив у них разрешения. Они постоянно включали громкую музыку на испанском, кричали друг на друга на испанском и готовили что-то экзотическое.

«Если им так хочется есть странную еду и говорить на этом своем языке, почему они тогда не остались у себя, а приехали к нам и теперь забирают рабочие места у обычных американцев?» – возмущалась она.

Миссис Шнайдер знала, что взрослые из того дома в большинстве своем трудились на производстве консервированного чили, и считала, что это неправильно, хоть и не встречала никого, кто потерял бы работу из-за этих незваных гостей.

Это был вопрос принципа, решила она. А что, если бы настоящий американец захотел устроиться работать на завод чили и не смог бы по их вине? А один из этих мексиканцев и вовсе был полицейским! Миссис Шнайдер наблюдала, как мужчина – она так и не озаботилась запомнить их иностранные имена, – каждое утро забирается в патрульную машину. Кто вообще это допустил?

Иногда она видела, как Карен Ди Муччи, что жила ниже по улице, говорит с одной из тамошних женщин, а их маленькие дети даже играют вместе. Миссис Шнайдер хотела было предостеречь соседку, но потом решила, что не стоит. Карен может обидеться. Всем известно, что мексиканцы и итальянцы суть одно и то же, хотя миссис Шнайдер и вынуждена была признать, что еда у итальянцев все же лучше.

Она не была расисткой. Негров она не ненавидела. Черных в Смитс Холлоу было очень много, и в них миссис Шнайдер проблемы не видела. Они все были хорошие, чистые, работающие ребята – ну, кроме Гарри Джексона, который в любое время дня и ночи ошивался в кабаке «Арена». Но его можно понять. Гарри был сам не свой с тех самых пор, как его жена скончалась от рака.

Миссис Шнайдер взглянула на часы и решила, что пора дойти до продуктового взять что-то на ужин. Ее муж умер от хронической сердечной недостаточности пять лет назад, и теперь женщина почти не готовила. Ей никогда не нравилось этим заниматься, и раньше она готовила лишь ради мужа, который любил домашнюю еду. Сама миссис Шнайдер ела как птичка: половинку сэндвича или чашку супа.

Не было никакого смысла ехать на машине в большой сверкающий супермаркет в соседнем городе, хотя ее соседка миссис Уолкер рассказывала, что там хорошие скидки. Кроме того, миссис Шнайдер нравилось стоять у прилавка и болтать с Фрэнком, чтобы быть в курсе «всех новостей», как она сама это называла.

Женщина взяла сумочку, дважды проверила, что заперла переднюю дверь (с этими иностранцами никогда нельзя быть уверенным) и вышла через кухню на небольшое заднее крыльцо.

Она сразу заметила мух – целую черную тучу, слишком большую для такого жаркого дня. Первой мыслью миссис Шнайдер было то, что у нее в саду сдох енот или лисица, а значит надо звонить в администрацию и вызывать службу отлова животных. Как и у многих жителей Смитс Холлоу, задний двор дома миссис Шнайдер выходил прямо в лес, так что не было ничего удивительного в том, что там иногда объявлялись дикие звери.

Ее муж установил по обе стороны от дома высокую ограду, «чтобы соседи не шпионили»: мистер Шнайдер был до крайности закрытым человеком и опасался, что, если кто-то заметит, как он жарит во дворе барбекю, и угостит его пивом, ему придется отвечать любезностью. Поэтому звери нередко терялись, заблудившись между перекрытыми дорожками, домом, гаражом и заборами.

Запах сумел просочиться в ее раздраженные мысли о службе по отлову животных – их всегда приходилось ждать целую вечность, что казалось миссис Шнайдер абсурдным, если учесть, каким маленьким городком был Смитс Холлоу, – и женщина прикрыла рукой нос и рот, судорожно глотая воздух. Запах был ужасный, даже хуже ужасного, и на секунду она предположила, что там умер целый олень.

Туча мух поднялась над покрытой травой небольшой канавкой, что пролегла у опушки леса. С крыльца миссис Шнайдер не было видно, вокруг чего роились насекомые, и она глубоко вздохнула.

Придется пойти посмотреть, но приближаться к источнику вони, чем бы он ни был, не хотелось. Однако женщина знала, что если позвонить в службу отлова животных с расплывчатым «что-то умерло у меня в саду», то дерзкая сотрудница диспетчерской Кристи Галлагер обязательно заявит, что они не имеют права посылать специалистов, пока не будут уверены в том, что дело именно в животном.

«Ну и нахалка», – сказала про себя миссис Шнайдер, используя выражение, которое всегда использовала ее мать, чтобы описать молодую наглую персону.

Женщина достала из сумочки белый хлопковый платочек, капнула на него немного духов Estee Lauder и прикрыла нос и рот.

Миссис Шнайдер собиралась было положить сумочку на крыльцо, но передумала. Кто угодно мог пробраться через ворота сада, пока она стоит к ним спиной, и сбежать с ее чековой книжкой и кошельком. В конце концов, район был уже совсем не тот, что прежде.

Крепко ухватив сумочку правой рукой, а левой прижимая к носу надушенный платок, женщина осторожно шагнула к черной жужжащей туче мух. Она так глубоко погрузилась в переживания о грядущих неудобствах – придется отложить поход к Фрэнку, пока служба по отлову животных не явится, – что и не заметила, как наступила на лужицу крови.

Миссис Шнайдер ощутила липкость под носком теннисных туфель, подняла ногу и увидела окровавленную подошву. Она скривила нос в отвращении. Этот зверь что, истек кровью прямо в ее саду? Придется выкинуть обувь, а ведь это были довольно хорошие туфли.

Теперь она внимательно следила за дорогой, выбирая, куда ступить между брызгами крови. Затем в ее периферийное зрение закралось что-то, что женщина не могла опознать. Точнее могла, но не хотела верить, что это действительно то, чем кажется.

Миссис Шнайдер охнула, подняла глаза и увидела то, что валялось впереди, – точнее, то, что валялось везде вокруг – выронила платок и начала кричать, и кричать, и кричать.

4

София Лопез закрепила простыню прищепкой и прокрутила веревку, чтобы повесить еще одну. Она считала, что не существует на свете ничего приятнее, чем спать на белье, просохшем на свежем воздухе в лучах солнца. Женщина вытерла пот со лба о предплечье. В такую жару все высохнет мгновенно.

– Мама, – ее старшая дочь Валерия стояла у сетчатой двери, ведущей на кухню, – можно мне зефирку?

София с подозрением посмотрела на девочку. Вал было одиннадцать лет, и она обожала ставить химические опыты, так что у матери были все основания полагать, что зефир та есть не планирует. Скорее всего, он превратится в липкую лужу на полу спальни или в столб дыма из окна.

– Для чего тебе? – спросила София.

– Ну... – ответила Вал, обводя ножкой узор напольной плитки. – Для одного, знаешь, эксперимента.

– Эксперимента, – без эмоций повторила София. – Для эксперимента требуется огонь?

– Ну... – опять ответила Вал.

Из глубин дома до Софии донеслись крики второй дочери Камилы, ссорившейся с двоюродным братом Даниэлем. Ребятам было по восемь лет, и выглядело так, будто им всегда одновременно хочется одного и того же.

– Иди погляди, что там у них, – сказала мать, возвращаясь к простыням.

– Но зефирки... – протянула Вал.

– Когда я закончу, ты мне расскажешь, что именно планируешь с ними делать, и тогда я решу.

Вал вздохнула и пошла разнимать сестру и кузена.

София поощряла увлечение старшей дочери наукой, но ей надоело постоянно опасаться, что однажды та спалит дом. Женщина мечтала отыскать какое-то место, где девочка могла бы ставить опыты, какие ее душе угодно, в идеале – под присмотром человека со степенью по химии.

Но в Смитс Холлоу таких мест не существовало. В Чикаго – возможно, но они уехали из Чикаго, чтобы всем было комфортнее, и теперь Валерия могла проводить опыты на заднем дворе, а не в тесной трехкомнатной квартирке.

Что бы там ни думала Старая Расистка из дома напротив про Софию, ее мужа Алехандро, его брата Эдуардо и его жену Беатрис, они не приехали из Мексики. Они родились и выросли в США, а их родители иммигрировали легально.

И я никогда ей об этом не скажу. Пусть думает, что хочет.

Алехандро десять лет отслужил в полицейском управлении Чикаго, а София, Эдуардо и Беатрис работали на заводе по производству печенья «Набиско» в юго-западной части города. Эдуардо и Беатрис с сыном Даниэлем жили напротив Софии и Алехандро – в одном многоквартирном доме в пригороде Блю-Айленд, и все они брали разные смены, чтобы следить за детьми.

Но взрослые всегда ощущали, что в городе им успеха не добиться: денег больше не становилось, и они даже не могли мечтать о покупке дома. А вот в Смитс Холлоу они жили всемером, но места все равно было несравнимо больше, чем в Чикаго. Уже одно лишь то, что у Камилы и Валерии теперь были свои спальни, помогало Софии не сойти с ума: еще одна ссора на тему «Почему ее вещи валяются на моей половине комнаты?» закончилась бы нервным срывом.

Большинство соседей отнеслись к семьям Лопез дружелюбно и были рады их видеть, и те быстро прижились в новом доме. Беатрис и Эдуардо нашли работу с

зарплатой повыше на заводе по производству чили, а Алехандро без проблем устроился в крошечный местный полицейский участок. Он часто успевал заехать домой на обед и больше никогда не опаздывал к ужину: он говорил, что «в этом городе нет ничего, даже отдаленно напоминающего преступность». Темные круги, постоянно залегавшие у него под глазами во время бесконечных смен в Чикаго, посветлели. А София могла оставаться дома и следить за детьми, потому что ее доход больше не был столь необходим для семейного бюджета.

София, вешавшая белье, вынуждена была признать, что капля дегтя в бочке меда была: через дорогу жила Та Старая Расистка. Миссис Шнайдер всегда следила на ними сквозь занавески, как будто думала, что так ее не видно. И каждый раз, когда Старая Расистка выходила на дорожку перед домом, чтобы забрать почту, она так сверлила взглядом дом Лопез, как будто они украли ее пенсию.

Заслышав крик, София подумала было, что Даниэль опять поколотил Камилу. Ему много раз говорили, что не следует бить двоюродную сестренку, но их ссоры все равно обязательно заканчивались шлепками и ударами, если рядом не оказывалось взрослых. Камила тоже давала сдачи, но при этом умела профессионально делать вид, что виноват только Даниэль.

Младшая дочь была прирожденной актрисой, и каждая крошечная шишка, синяк или тычок заканчивались водопадом слез и мелодраматичными обвинениями в духе фильмов с Джоан Кроуфорд – или точнее того фильма про Джоан Кроуфорд, как он там назывался? Там были страшно наигранные эмоции, и, кажется, Камиле инструкции выдавал тот же самый режиссер. У Софии успел выработаться иммунитет к этим представлениям, но отца девочке удавалось обмануть – он не мог поверить, что его маленькая принцесса просто разыгрывает спектакль.

Женщина шагнула в сторону задней двери в дом, но остановилась. Кричали не внутри, а снаружи. Дети вышли на лужайку перед домом? Алехандро не стал отсоединять опрыскиватель от садового шланга, чтобы ребята могли порезвиться в воде в жару, но София не слышала, чтобы они поворачивали кран.

Вал вышла к двери – глаза круглые, за спиной сгрудились Камила и Даниэль.

– Что это было?

София покачала головой:

- Я думала, это вы.

Сказав это, она осознала, как глупо это звучит. Шум не был похож на детские крики: звуки бурного веселья или столь же бурных ссор. Этот крик был непрерывным, невероятно долгим и всеобъемлющим. Как можно кричать так долго и даже не сделать паузы, чтобы набрать в грудь воздуха?

- Оставайтесь тут, - приказала София.

В ту же секунду Камила попробовала оттолкнуть Вал, чтобы последовать за матерью - младшая была до ужаса любопытной, - но сестра ухватила ее за талию прежде, чем та успела сбежать.

- Эй! - возмутилась Камила и пнула сестру в голень каблучком.

- Ау! - крикнула Вал и уронила малышку на землю.

Камила упала и сразу начала выть, как будто сломала лодыжку.

- Довольно, - отрезала София и решительно взмахнула рукой. Ее родительский тон прозвучал так сурово, что Камила сразу прекратила притворно плакать и удивленно посмотрела на мать. - Вы все останетесь тут, пока я разведу, что случилось, и вы ни шагу не сделаете из дома, или до конца лета будете сидеть по комнатам.

- Да, мама, - сказала Вал.

- Да, мама, - повторила Камила.

- Да, тетя София, - отозвался Даниэль.

- Я скоро вернусь. Если не приду через пятнадцать минут, звоните папе в полицию.

Вал обернулась и посмотрела на часы, чтобы начать отсчет. София знала, что с детьми все будет в порядке: младшие уже через пару минут забудут, куда она ушла, и вернутся к своим обычным занятиям.

Женщина обошла дом с левой стороны и вышла на дорогу. Гаража в доме Лопезов не было – только открытая полоска асфальта, растянувшаяся параллельно дому, от переднего двора и до заднего крыльца. Алехандро и Эдуардо подумывали организовать какой-то навес для автомобилей, хоть самый простенький. Из-за летнего зноя находиться в машинах было невыносимо.

Дойдя до почтового ящика у начала съезда, София остановилась, стараясь определить, откуда доносятся крики. Их дом находился в тупике, так что иногда эхо искажало звуки.

Других соседей, видимо, не было дома – или были, но их мало интересовал источник шума. София оказалась единственным человеком, что вышел на улицу, и капельки пота уже заблестели у нее на лбу.

«Это что, Старая Расистка?» – пробормотала она про себя. Женщина побежала на другую сторону улицы, подошвы ее кроссовок прилипали к раскаленному асфальту.

На полпути она абсолютно уверилась, что кричала именно миссис Шнайдер. Что способно так довести старуху? Софию немного раздражало, что ей приходится мчаться на помощь к человеку, презирающему ее и всю ее семью. Конечно, Иисус велел прощать, но ощущать тепло христианской любви к этой женщине было тяжело.

И все равно София знала, что не сможет оставить миссис Шнайдер в беде, даже если какая-то ее часть этого и хотела. И это при том, что София была уверена, что, загорись она, Старая Расистка даже плевка бы для нее пожалела.

Добравшись до крыльца миссис Шнайдер, женщина поняла, что крики доносятся из-за дома. Громкость их ничуть не уменьшилась, хотя голос старухи начал хрипеть. Когда София сняла калитку заднего дворика с крючка, она впервые ощутила нотки тревоги. Это не просто дикая выходка старой женщины. Что-то не так.

Дверца с лязгом захлопнулась за Софией. Миссис Шнайдер стояла в задней части сада, где лес встречался с аккуратно постриженной травой. Старуха держалась прямо, будто кол проглотила, руки по швам. Ее сумочка валялась на земле, а в траве обессиленно трепетал белый платочек, такая вялая капитуляция.

– Миссис Шнайдер, – позвала София.

Старуха резко прекратила кричать, словно кто-то щелкнул выключателем. Она повернулась, увидела Софию и указала негнущейся рукой в сторону канавы.

– Смотри, – закричала она, – смотри, что вы наделали! Раньше в этом районе было безопасно, а потом понаехали вы! Смотри! Смотри!

Софии показалось, что от бешенства она улетит в стратосферу. Женщина всегда была очень вспыльчивой и ненавидела это в себе, потому что не хотела служить подтверждением предрассудка о том, какая горячая у латиноамериканцев кровь.

– О чем ты, старая... – прошипела София. Она собиралась сказать «старая сука», потому что именно ей миссис Шнайдер и была – злобной старой сукой, – но запах наконец просочился сквозь пелену гнева, и женщина запнулась. – Что за?..

Она прикрыла рот и нос рукой, но это лишь будто заперло запах, и София закашлялась, подавляя рвотные позывы.

– Видишь? ВИДИШЬ? – кричала миссис Шнайдер, трясась от праведного гнева, будто религиозный фанатик на проповеди. – Вот что происходит, если люди не знают своего места! Я знала, что в твоём доме одни воры да убийцы.

София больше не слушала, потому что разглядела то, на что указывала миссис Шнайдер, то, что источало этот удушающий запах, и земля ушла у женщины из-под ног. Кровь. Там было столько крови, а другие предметы было сложно опознать, но это явно что-то человеческое. Судя по количеству – принадлежащее двум людям.

– Мне нужно воспользоваться вашим телефоном, – сказала София, и ее голос звучал как будто издалека. – Мне нужно позвонить Алехандро.

Да, ей нужно позвонить Алехандро, он приедет на полицейской машине, вызовет «скорую», он знает, что делать.

София повернулась спиной к обезумевшей старухе и ее обвиняющему персту и двинулась к заднему крыльцу. Женщине казалось, будто она идет под водой и до лестницы было много-много миль.

– Не смей марать мой дом! – заорала миссис Шнайдер. – Не смей ступать своими грязными мексиканскими ногами на крыльцо, которое построил мой муж!

София ее проигнорировала. Ей нужен телефон, а телефон миссис Шнайдер ближе всего. Кроме того, ей не хотелось звонить из дома. Придется объяснять, почему полиция должна срочно приехать, и дети могли это услышать.

София уже открывала заднюю дверь, когда миссис Шнайдер бросилась к ней через лужайку.

– Проваливай! – вопила старуха. – А ну живо проваливай!

София отпустила дверь и повернулась к взбешенной миссис Шнайдер, которая взбежала на ступеньки и держала женщину за край шортов, будто планируя стащить ее с крыльца.

Где-то в глубине, под шоковым состоянием и ощущением нахождения под водой, в Софии все еще кипел гнев. Она пришла помочь этой кричащей женщине, а старая сука беспокоилась лишь о том, что ее дом «замарают».

София со всей силы влепила старухе пощечину. Шлепок эхом раскатился между ними, словно отголосок землетрясения.

– Я позвоню в полицию, – произнесла она тем тоном, которым говорила с детьми, когда они ее окончательно доводили. – Для этого я воспользуюсь вашим телефоном. И вы не будете орать, ругаться или как-то иначе мне мешать.

Миссис Шнайдер кивнула, усмиренная. Ее взгляд опустился на дешевые кроссовки Софии.

- Телефон прямо за дверью, - проговорила она. - Я думаю, я... подожду тут.

Она отвернулась от Софии и медленно опустилась на деревянные ступени крыльца. Миссис Шнайдер неожиданно стала выглядеть очень старой, лет на десять старше, чем еще несколько минут назад.

София вошла в дом и услышала, как старуха всхлипывает.

Телефон висел сразу за дверью справа. София подняла трубку и набрала рабочий номер Алехандро вместо 911. Она не хотела говорить с диспетчером. Она хотела поговорить с мужем. Хотела, чтобы он срочно приехал.

- Офицер Лопез, - ответил он.

- Алехандро, - произнесла София и с удивлением отметила, что ее голос дрожит. - Алехандро, срочно приезжай. Тут девочки.

- Соф? Что произошло? Что-то случилось с Вал или Камиллой?

- Нет, - ответила она и глубоко вздохнула. - Не наши девочки. Какие-то другие девочки. Их двое, и их части тела разложены по всему двору миссис Шнайдер.

5

Лорен увидела, как ее мать и брат вышли из магазина Фрэнка и направились в «Лавку сладостей». Девочка скривила нос и на всякий случай отвернулась от окна, хотя вряд ли ее возможно было разглядеть в сумраке зала игровых автоматов.

Она стояла вместе с Мирандой, а та прижималась к Таду, предмету своих вздыханий с жирными волосами («И жирной кожей», - подумала Лорен),

который совершенно не был похож на Мэтта Диллона.

По другую руку от Тада стоял его друг Билли, тоже не похожий на Мэтта Диллона, который был заинтересован в Лорен ровно настолько, насколько она – в нем, то есть ни капли.

Тад был полностью сосредоточен на последнем раунде «Чемпиона карате», и им всем полагалось полностью разделять его увлеченность. Лорен не понимала, почему им нельзя просто разойтись и каждому поиграть по отдельности, раз уж они в зале с автоматами, но Тад любил, чтобы у него была группа поддержки.

Билли кричал и хлопал в ладоши каждый раз, когда его друг наносил сопернику удачный удар, и видимо считал, что в этом и заключается его роль. Возможно, Тад катает в своей «Камаро» только тех, кто достаточно активно болеет за него во время игр. Миранда указала на машину, когда девочки заходили в здание, и Лорен бросилось в глаза, что парень даже не озаботился ровно припарковать ее.

Миранде явно не был интересен исход последнего матча. Ей больше нравилось тереться грудью о руку Тада во время игры, а тот не просил девушку отодвинуться, а значит, видимо, тоже получал от этого удовольствие.

«Что произойдет, если я уйду, не попрощавшись?» – подумала Лорен. Миранда сразу заметит или только тогда, когда захочет оттащить ее в туалет, чтобы подкрасить губы блеском и поболтать про Тада?

Девочка уже практически решила так и поступить – ускользнуть, не сказав Миранде ни слова, – когда вой сирен «скорой помощи» заставил всех оторваться от экранов и вытянуть шеи в сторону окон. Карета промчалась вниз по Мейн-стрит – само по себе удивительное событие в городе, где почти не бывало чрезвычайных происшествий, – но потом за ней проследовали машины полицейского управления Смитс Холлоу, и все начали перешептываться.

– Ух, интересно, что происходит, – сказал Билли.

– Надо поехать следом за полицейскими, – заявил Тад. Он выглядел так, будто был готов в любой момент бросить игру, выбежать на улицу и запрыгнуть в машину.

Лорен знала, что, если это случится, Миранда захочет присоединиться, и твердо решила, что сама с ними точно не поедет. Она не планировала оказаться взаперти в машине Тада, чтобы потом очутиться где-то, где ей совершенно не хотелось быть: в торговом центре в соседнем городе или в парке, на «Поле поцелуев». А Миранда так активно терлась о Тада, что «Поле» выглядело как наиболее вероятная перспектива, так что Лорен намеревалась сбежать, пока ей не пришлось целоваться с Билли.

– Они давно проехали, – сказал Билли. – Мы их не догоним.

– На «Камаро» догоним, – злобно прошипел Тад, будто друг ставил под вопрос крутость его машины.

– Конечно, – ответил Билли. – Но если гнать за полицейскими, тебе выпишут штраф.

Плечи Тада опали:

– Да, а если мне выпишут еще один штраф, моя Монстромать заберет у меня ключи от машины.

Миранда залилась долгим смехом:

– Монстромать. Класс.

– Она вечно меня донимает, – пожаловался Тад и изобразил голос матери: «Приберись в комнате, подстригись, бери больше смен на работе». Господи Боже, лето же. Нельзя отстать от меня хоть на пять секунд?

– Ага, – сказала Миранда. – Ты и так много работаешь в «Старой телеге».

– Не так уж и много, – признал парень, закидывая четвертак в автомат «Чемпион карате», – я подумываю подать заявление на какую-нибудь вакансию в торговом центре.

Лорен ощутила, что на нее накатывает головная боль. Она наклеывалась позади глаз и собиралась развернуться в полную силу, вызывая тошноту и

головокружение, ударяя сзади по глазным яблокам. В детстве такие приступы бывали у нее редко, но в последнее время участились. Если Лорен не вернется домой прямо сейчас, она не сможет ехать на велосипеде.

Девочка начала что-то объяснять Миранде, которая была глубоко погружена в обсуждение карьерных перспектив Тада.

- Что? - спросила Миранда, кинув на подругу раздраженный взгляд.

Лорен указала большим пальцем на буфет, где скучающие подростки продавали попкорн, газировку и сладости:

- Хочу колы, ты будешь?

- Нет, - ответила Миранда. - И тебе тоже не стоит газировку пить. Зубы от сахара сгниют.

Лорен знала, что последнюю фразу та добавила со злости, негодуя, что подружка влезла в ее диалог с Тадом, и это было лучшее оскорбление, которое Миранда смогла придумать с ходу.

- Окей, - ответила Лорен, не обращая внимания на тон подруги. Ей просто нужно было как можно скорее сбежать от шума и огней «Автоматов мечты».

Девочка медленно двинулась в сторону буфета. Обернувшись, она отметила, что Миранда, Тад и Билли глубоко погружены в игру. Лорен сменила направление и метнулась к главному входу.

Оказавшись в лучах слишком яркого солнечного света, она задумалась, как скоро Миранда заметит, что Лорен не планирует возвращаться.

На секунду девочка прикрыла глаза: после полумрака зала игровых автоматов солнце резало глаза особенно сильно, а свет всегда усиливал боли. Когда Лорен вновь подняла веки, ее взгляд метнулся к диагональной парковке напротив. Машины матери там не оказалось, то есть они с Дэвидом уже отправились домой.

Очень жаль – в этот момент Лорен с радостью бы доехала с мамой. Девочка не была уверена, что сможет добраться до дома на велосипеде, чтобы ее не стошнило.

Папу всегда беспокоили эти головные боли, и в беседах с женой (в полголоса, когда он думал, что Лорен не слышит) он высказывал предположение, что это какое-то неврологическое заболевание.

«Джо, это просто мигрени, – отвечала мама едким тоном, который приберегала для ситуаций, когда считала, что папа сказал что-то особенно глупое. – У многих девочек они бывают, особенно, когда начинаются месячные. Это все гормоны».

В ответ ее отец всегда заминался и бормотал, что он просто беспокоится. Обсуждать гормоны, бюстгалтеры и все, что указывало на то, что Лорен становится женщиной, ему было крайне некомфортно.

Но головные боли начались у девочки еще до первой менструации, так что она заключила, что это не могут быть гормоны, как считает мама. Иногда Лорен казалось, будто кто-то поселился у нее в черепе и пытается вырваться наружу. Но она ни с кем не делилась этой мыслью, поскольку осознавала, как глупо это звучит.

Лорен сложила ладони у глаз в форме бинокля, чтобы закрыться от солнца, и перебежала улицу. От движения вверх и вниз сэндвич с арахисовым маслом и чипсы, съеденные девочкой на обед, поднялись в горле, но она с силой сглотнула, и ощущение отступило.

Лорен проскользнула в переулок между лавкой «У Фрэнка» и «Лучшей электроникой», хотя и не хотела столкнуться с крысами. Однако самый короткий путь до велосипеда пролегал именно там, а в данный момент ничего не имело значения, кроме желания как можно скорее добраться до прохладной темной спальни.

Девочка была так сосредоточена на том, чтобы добежать до леса, что даже не взглянула на заднюю дверь магазина электроники. Она бы и не заметила, что там опять стоит Джейк Хэнсон, если бы тот не протянул лениво: «Хэй, Лорен».

Это застало ее врасплох – девочка издала тихий, оборванный крик. Сердце бешено заколотилось в груди, и Лорен поняла, что ничего поделать уже нельзя. Из последних сил она сделала два неуверенных шага вперед, села на корточки и положила голову между колен.

– Лорен? – спросил Джейк, и, к его чести, юноша больше не звучал безразлично – скорее смущенно или даже озабоченно.

Девочка покачала головой, сама не зная, пытается она остановить неизбежную рвоту или не подпустить Джейка.

Лорен так ничего и не придумала, и ее щеки загорелись от стыда, когда в двух шагах от парня ее начало тошнить. В этот момент ей хотелось лишь, чтобы он ушел обратно в магазин и оставил ее в покое.

Негромко щелкнула закрывающаяся дверь, и Лорен подумала про себя: «Хорошо».

Через пару минут, когда пытка, казалось, подошла к концу, ее желудок вероломно передумал и заявил, что в нем осталась еще одна чайная ложка полупереваренной еды, – девочка мучительно давилась и кашляла, пока не вышли последние капли.

Лорен не двинулась с места, пытаясь понять, грядет ли продолжение. Ледяной пот капельками собрался у нее на висках и поясице и насквозь пропитал подмышки футболки. В нос ударил тальковый аромат дезодоранта и кислый запах желчи и мусора, что гнил в бачках позади магазина.

– Вот, – прозвучал голос Джейка у девочки за спиной.

Лорен чуть не свалилась в лужу собственной рвоты. Она не слышала, как юноша вышел из магазина. Через секунду девочка ощутила прикосновение руки к спине, а перед лицом материализовался пластиковый стаканчик воды.

– Спасибо, – выдавила Лорен. Голос был хриплым, словно чужим.

Его рука на ее спине казалась огромной и горячей, и девочка не могла решить, нравится ей это или нет.

Через мгновение вопрос потерял актуальность – Джейк убрал руку и спросил:

– Лучше?

Она кивнула. Никогда прежде ее лицо не ощущалось таким красным – оно буквально горело. Единственное, что способно было усугубить ситуацию, – если бы сейчас неожиданно объявилась Миранда. Лорен с опаской оглянулась, будто мысль о подруге могла призвать ее.

Но Миранды позади не оказалось – рядом на корточках сидел только Джейк. Его совсем, казалось, не беспокоило, что Лорен стошнило прямо у него на глазах. Девочка надеялась, что он не станет рассказывать об этом своим друзьям.

– Встать сможешь?

Она еще раз кивнула и с силой оперлась ладонями о бедра, чтобы подняться. На мгновение все вокруг поплыло, в том числе голубые глаза Джейка (очень, очень голубые, прямо-таки синие, как сапфиры), но быстро остановилось. Так, теперь нужно как можно скорее уйти.

Джейк был очень добр, очень спокоен, но это не значило, что Лорен планировала стоять и болтать с ним в таком состоянии: бледной, с дрожащими коленками и желанием как можно скорее почистить зубы.

– Что случилось?

– У меня... Ну, голова болит иногда, – ответила Лорен. – Очень сильно.

– А, мигрени, – Джейк понимающе кивнул. – У моей мамы тоже бывают.

Лорен посмотрела на юношу сквозь прищуренные веки: солнце все еще стояло высоко, и, если девочка широко открывала глаза на ярком свете, голова принималась гудеть.

- Что ж, спасибо за воду, - сказала она, нервно взмахнув рукой.

«Почему он не зайдет внутрь?» - подумала Лорен. Разве ему не полагается сейчас работать? Почему он стоит и смотрит на нее так, будто она только что прилетела сюда на корабле с пришельцами?

- Я закончу через полчаса. Если не хочешь идти пешком, я тебя подвезу.

- О, - вырвалось у Лорен. - М-м-м, спасибо, но я оставила велик в лесу. Надо забрать его, а то мама взбесится.

- Ты много времени проводишь в лесу, да?

- Да, - она не понимала, зачем он вообще поддерживает беседу.

- Смелая девчонка.

Лорен не знала, что на это ответить. Она понимала, что ее мнение о лесе не совпадало с мнением большинства, но не думала, что парень вроде Джейка Хэнсона боится парочки деревьев. Но в свое время ее так же поразило, что и отец не любил лес.

- Еще раз спасибо, - сказала она и повернулась в сторону деревьев, слабо помахав рукой.

- Увидимся, Лорен, - тихо попрощался юноша.

Девочка не оборачивалась, но была совершенно уверена, что Джейк провожал ее взглядом, пока она не скрылась из виду.

В тени Лорен сразу полегчало, но полностью боль не прошла - лишь отступила немного, словно боец, который делает два шага назад, прежде чем атаковать врага новым шквалом ударов. Но все равно девочке показалось, что возможно она сумеет дойти до велосипеда и вернуться домой, не упав в обморок, а это было важнее всего.

Лорен почти дошагала до дерева-призрака и своего велосипеда, когда почувствовала это – что-то изменилось. Хотя на первый взгляд все было, как и раньше. Все деревья были на своих местах, ветер, как всегда, шумел в ветвях, ноги Лорен твердо стояли на земле, и даже желудок больше не сводило.

Но все равно, ощущалось что-то. Кожу девочки будто колото иголками, левый глаз начал дергаться, а к пояснице скатывался ледяной пот.

Она потрясла головой: чувство было такое, будто боль перекачивается внутри черепа из стороны в сторону. Похожее всегда происходило с другими людьми, когда те входили в лес вокруг Смитс Холлоу: становилось жутко, прошибал пот, а после визитеры шепотом рассказывали, что встречали призраков и демонов. Но Лорен никогда ничего подобного не ощущала. Лес всегда дарил ей лишь чувство безопасности.

Даже когда под сенью деревьев нашли тело ее отца с вырванным сердцем, Лорен не винила лес. Как природа может быть виновата в том, что отец посреди ночи ушел из дома по причинам, которые ее мать не желает обсуждать?

Но сейчас она что-то почувствовала, чье-то... присутствие.

Невероятная глупость. Никаких призраков тут не было, только Лорен, деревья и бурундуки, копошащиеся в траве.

Вдруг ее голова взорвалась болью, подобной которой она не испытывала никогда в жизни. Девочка упала на колени, обеими руками ухватившись за голову, умоляя, чтобы это закончилось.

«Прошу, пусть это закончится», – подумала она, услышав свои собственные всхлипы, и упала лицом прямо в грязь и сухие листья, стараясь зарыться в прохладную землю в надежде, что темнота накроет ее, словно могила, и все закончится, просто закончится.

В ее голове что-то все-таки было, что-то, вооруженное бензопилой с окровавленными зубьями, и это что-то пыталось вырваться наружу и завывало; это не был вой боли – скорее смеха, но не такого, что приглашает окружающих присоединиться, а смеха, от которого ты хочешь убежать, и сердце твое колотится о ребра, а ноги движутся сами по себе.

Тогда она их увидела – девочек. Но на самом деле не увидела. Перед ней будто всплыло чье-то воспоминание. Две девочки с рюкзаками на спинах шли через лес. Лорен их не узнала: они выглядели чуть старше нее и были скорее всего не из Смитс Холлоу. Одна из девочек – светленькая – была острижена под мальчика, у второй на плечах лежали каштановые волосы, заплетенные в косы. Что-то в их внешнем виде – возможно, тяжелые рюкзаки – заставило Лорен заключить, что они сбежали из дома.

Выглядело так, будто девочки не имеют определенной цели, а просто потихоньку шагают куда-то, где люди не станут задавать им вопросов, не будут интересоваться, куда те направляются и чем занимаются. У обеих было одинаковое выражение лица: озабоченность и вместе с тем радость, словно они были счастливы наконец делать то, что пожелают, но не были уверены, чего они, собственно, желают и получится ли у них.

Затем Лорен ощутила присутствие чего-то, чего-то, что не считало девочек за девочек или вообще за людей. Оно смотрело на них как на мясо, замечательное красное вкусное мясо.

«Нет! – крикнула Лорен. – Бегите!»

Но девочки ее не услышали, ведь Лорен на самом деле там не было, и они совсем не переживали, что их сожрет монстр. Они переживали лишь, что кто-то их отыщет и заставит вернуться домой, туда, где они были так несчастны, а порой и напуганы, а ведь они решили больше ничего не бояться.

Лорен все это знала, знала, о чем думают девочки и о чем думала тварь, знала, что сейчас произойдет, и не хотела видеть, не хотела больше знать. Почему она не может просто вообразить, как девочки уйдут, вместе, счастливые, как они обретут новый дом? Почему она должна смотреть на то, что случится дальше?

Лорен закрыла глаза, но это ничего не изменило, потому что сцена разыгрывалась у нее под веками, впечатывалась в мозг. Она закрыла руками уши, но это не помогло: она все равно слышала, как кричит девочка с косами, когда ее подружку раздирали когти, подобных которым Лорен не видела ни у одного зверя.

Было что-то странное в этих когтях, отметила Лорен: ее парализовало от ужаса, но какая-то ее часть бесстрастно наблюдала за бойней и видела, что здесь не так. На секунду ей показалось, что под когтями она видела человеческую руку.

Человек? Это сделал человек?

Как человек мог разорвать двух девочек, прожевать несколько кусочков их плоти, а потом намеренно оттащить останки туда, где их обязательно обнаружат?

Лорен продолжала смотреть – ощущалось, будто она продолжала смотреть глазами, хотя в действительности эта сцена была у нее в голове, – как нечто собрало останки в мешок. Кровь сочилась из него, то, что раньше было девочками, которые могли бы счастливо идти по лесу, оставляло теперь на земле красный след.

Виде?ние – если это было виде?ние – оборвалось так же неожиданно, как и началось. Лорен села и осмотрелась, вполне ожидая увидеть монстра с острыми когтями и окровавленными зубами. Но ничего и никого рядом не оказалось – не было, как заметила Лорен, в том числе и остатков мигрени, которая еще совсем недавно ее полностью парализовала.

Щека ощущалась шероховатой, и девочка провела по ней рукой. Ладонь оказалась покрыта грязью. Видимо, Лорен зарылась лицом в землю, стараясь спастись от увиденного. Образы так быстро затухали в памяти, будто ничего и не произошло. После них осталось лишь ощущение пустоты и страшная усталость, от которой девочке хотелось лечь и уснуть прямо тут.

«Ну, немудрено», – проговорила она, через силу заставив себя подняться на ноги и сделать пару шагов. Сперва тошнота, затем худшая мигрень в истории, а в конце еще и настоящий ночной кошмар наяву, где монстр расправился с милыми девочками. Естественно, ей хотелось поспать.

Несмотря на странные вещи, которые Лорен только что увидела – или вообразила? – лес все также ощущался убежищем. Шорох листьев и чирикание птиц смыли последние отзвуки кошмара. А она решила, что это был именно он. Просто кошмар, вызванный головной болью, беспокоиться не о чем.

Девочка отыскала велосипед, стоявший ровно там, где она его и оставила, оперев на призрачное дерево, взялась за руль и выкатила его из-под сени ветвей. Именно тогда она заметила что-то на сиденье.

На темно-синей обивке сложно было что-то разглядеть. Лорен наклонилась ближе и отпрянула в ужасе. На сиденье остался отпечаток руки – руки, чем-то похожей на человеческую, с очень длинными, тонкими пальцами.

Но не поэтому Лорен бросила велосипед и теперь пятилась прочь. Отпечаток оставили кровью, и кровь была свежей.

6

Алехандро Лопез – он предпочитал, чтобы его называли Алекс, а не Алехандро: американизированное имя создавало у белых ощущение, что он один из них, – стоял в оскверненном саду миссис Шнайдер. Он и подумать не мог, что его однажды туда пустят. Не то чтобы полицейский особо туда стремился – обычно ты не бежишь вприпрыжку на барбекю к соседу, который считает тебя недочеловеком. Даже ужасное зрелище, развернувшееся перед глазами, не могло избавить Алекса от ощущения, что он успешно прорвался на вражескую территорию.

Партнер полицейского Джон Миллер («Существует ли более американское имя, чем Джон Миллер?» – подумал Алекс) вернулся после того, как распрощался в дальнем углу ухоженного сада миссис Шнайдер со съеденными на обед фрикадельками.

«Боже, да что это такое?» – покачал головой офицер.

То же самое он спросил и перед тем, как его стошнило, но ответа у Алекса до сих пор не было. К счастью, Миллер его и не ожидал.

Еще один из четырех офицеров, Люк Панталео, опрашивал миссис Шнайдер на кухне. София находилась там же с партнером Люка Аароном Хендриксом. Сквозь окошко в задней двери Алекс видел, как его жена спокойно объясняет

полицейским, что произошло.

Его не удивила ее невозмутимость: София всегда сохраняла поразительное спокойствие в экстренных ситуациях. И лишь позже, когда кризисная ситуация минует, у нее случится приступ гнева, истерика или нервный срыв.

Алекс позвонил шефу полиции Вану Кристи, как только вошел в сад и увидел, с чем они имеют дело. Точнее сперва он отозвал медиков, чтобы те не «затоптали» место преступления, и отправил Люка и Аарона брать показания у Софии и миссис Шнайдер (его жена сидела на крыльце рядом с рыдающей старухой, обнимая ее за хрупкие трясущиеся плечи), после чего вызвал Вана по радиосвязи.

И вот напарники стояли над изувеченными останками как минимум двух девочек. Алекс заключил, что их двое, потому что там было две головы, но количество пролитой крови и органов, разбросанных вокруг, позволяло предполагать, что их могло быть больше.

Полицейский глубоко вздохнул: ситуация была ужасной, к тому же он надеялся, что теперь, покинув большой город, он с таким больше не столкнется. Алекс считал, что повидал на своем веку достаточно ножевых ранений, передозировок и изрешеченных пулями тел. Когда они переехали в этот живописный маленький городок с его очаровательной центральной улицей и дружелюбными соседями, Алекс полагал, что худшее, с чем он столкнется, – это пьяные подростки, повздорившие на «Поле поцелуев». Но увиденное сегодня напомнило ему о том, что он хотел бы забыть.

«Не думай об этом», – сказал офицер про себя, но в голове все равно вспыхнуло воспоминание: пустые глаза смотрят на него из мусорного контейнера, окруженного роем черных мух.

Все как сейчас. Алекс подумал, что мухи, верно, позвали своих друзей из соседнего округа, потому что клубящееся облако этих пикирующих, пронзительно жужжащих насекомых увеличивалось в размерах с каждой секундой. Интересно, кто эти девочки и кто расскажет их родителям о том, что произошло?

Но что именно произошло?

– Это типа дела Ди Муччи? – спросил он Миллера.

Напарник бросил на него пустой взгляд:

– Лорен? Что случилось с Лорен?

– Не дочери, – Алекс косо посмотрел на Миллера. С чего он решил, что Алекс говорил о Лорен? – Отца. Его же убили в прошлом году, да?

Он старался звучать так, будто не читал отчет, не изучал фото с места преступления десятки раз. Тогда он только устроился в участок, и тот выглядел совсем иначе: четверо патрульных, один детектив, который вскоре ушел на пенсию, и чисто номинальный шеф. И Алекс был удивлен, что столь серьезное преступление не было тщательно расследовано. Каждый раз, когда он спрашивал коллег об убийстве, их взгляд становился странно отрешенным, будто они не могли припомнить, о ком говорит мужчина, – прямо как у Миллера сейчас.

– Да, – выдавил напарник, и судя по выражению лица ему пришлось как следует порыться в памяти. – Отец Лорен. Да уж, странное было дело.

«Мягко сказано», – подумал Алекс, но решил не комментировать это. В любом случае, фото тела Джо Ди Муччи и близко не стояли с тем, что находилось сейчас перед ними. Две головы были сложены рядом, щека к щеке, будто ужасная пародия на танцующую пару; одна девочка смотрела в лес, другая – на дом миссис Шнайдер. Алекс заметил, что кожа на их шеях была изорвана и висела лохмотьями, словно головы оторвали, а не отрезали лезвием. У одной из жертв – той, что с короткими волосами, – снизу торчали позвонки. У другой недоставало уха.

Вокруг голов лежали органы, похожим образом разодранные на кусочки, большую их часть сложно было идентифицировать. Разве сумел бы кто-то, кроме, разве что, врача, определить, являлась эта серо-красная желейная масса в траве печенью или сердцем? Однако было совершенно ясно, что все части были намеренно разложены в определенном порядке: головы по центру, а органы по краям, будто планеты на орбитах вокруг солнца.

- Это случилось не здесь, - отметил Алекс.

- Что случилось? - переспросил Миллер. В этот раз Алекс повернулся и демонстративно бросил на напарника удивленный взгляд:

- Миллер, ты пьян?

Тот ступешевался:

- Нет.

- Как ты думаешь, о чем я могу говорить? - спросил Алекс, указывая на головы, органы и стремительно увеличивающуюся тучу мух.

- Я думал, ты все еще про отца Лорен, - оправдался Миллер.

«Почему все называют его отцом Лорен?» - удивился офицер. Никто никогда не вспоминал про его второго ребенка Дэвида или не называл его «муж Карен». Все всегда говорили «Джо» (иногда с уточнением «автомеханик») или «отец Лорен», как будто вся личность Джо Ди Муччи определялась исключительно родством с дочерью.

Полицейский решил проигнорировать сказанное Миллером и продолжил мысль:

- Если бы девочек убили тут, в саду старой... - он остановил себя, прежде чем произнес «Старой Расистки» - кличку, которую они с Софией придумали для своей не самой обаятельной соседки, - в саду миссис Шнайдер, был бы шум, и его кто-нибудь бы услышал, - продолжил офицер, но Миллер, казалось, ничего не заметил. У его напарника скорости в мозгу переключались не очень шустро, и вот сейчас, казалось, он до сих пор плелся далеко позади. - Не только миссис Шнайдер что-то услышала бы, но и соседи.

- Окей.

Минус работы с Миллером заключался в том, что тому было сложно следить за цепочкой его рассуждений. Бывший напарник Алекса в Чикаго Тайрон Робинсон давно бы уже закончил фразу за него. Более того, он всегда был на пять шагов

впереди, умел рассуждать с молниеносной скоростью – очень жаль, что Тайрон был лишь патрульным. Алекс надеялся, что бывший напарник заработает звезд на погоны, и его в ближайшем будущем повысят до детектива.

– В сад миссис Шнайдер непросто попасть с улицы, – продолжил полицейский. – Кроме того, кто-то обязательно заметил бы, если бы какой-то тип притащил сюда двух девочек.

– Может быть, – пожал плечами Миллер. – В этом районе большинство домохозяек в это время смотрят сериалы. Они бы даже не заметили, если бы кого-то убили прямо на улице.

«Услышь София, что она якобы смотрит сериалы, она бы, наверное, орала, пока у Миллера кровь из ушей не полилась», – подумал Алекс, но решил не сбивать напарника с мысли и проигнорировать его комментарии. Кроме того, полицейский отлично знал, что сама миссис Шнайдер большую часть дня проводила у окна, где следила за соседями в надежде собрать доказательства их криминальных наклонностей. Если бы старуха заметила что-то подозрительное, она незамедлительно набрала бы 911.

– Как бы то ни было, – заключил Алекс, – из этого следует, что преступник прошел через лес. Скорее всего, и девочек он убил тоже в лесу.

– Почему ты так считаешь? – спросил Миллер.

Алекс решил воздержаться от повторных объяснений того, что он и так только что озвучил: что лес, по сути, был единственным местом в округе, где не было любопытных глаз. Другим вариантом был лишь один – преступник убил девочек у себя дома, а потом нес их останки через лес и разложил здесь.

– Зачем выкладывать их тут? – размышлял Алекс.

– Что?

– Зачем их сюда приносить? – повторил полицейский. Может, зрелище кровавой бойни плохо действовало на Миллера. Сейчас напарник был сам на себя не похож.

Он стал так себя вести, когда ты упомянул Ди Муччи. Как заевшая пластинка.

Офицер задумался: возможно, Миллер знает что-то про убийство Ди Муччи, что-то, что пытается скрыть от Алекса. Он хотел было развить эту мысль, когда открылась садовая калитка, и во двор вошел Ван Кристи.

Шефу полиции было сорок шесть лет, бывший моряк, один из самых тихих людей, которых Алекс когда-либо встречал, – «тихий» в том смысле, что он двигался беззвучно, как однажды Алекс объяснил Софии, а не в смысле «неразговорчивых». Ван Кристи ступал абсолютно бесшумно, не хлопал дверьми, не повышал голоса. Даже двигатель его автомобиля урчал совсем тихо, и это обескураживало Алекса, ведь шеф водил классический «Шевроле Каприс», ничем не отличающийся от других патрульных машин.

Кристи остановился рядом с напарниками и осмотрел двор:

– Господи.

– Я то же самое сказал, шеф, – прокомментировал Миллер.

– Любой бы так сказал, Миллер, – ответил Кристи. – Думаю, нам понадобится фотоаппарат. Он в багажнике.

Миллер догадался, что это приказ, и поспешил прочь. У всех офицеров имелись ключи от всех патрульных машин – даже от машины шефа.

– Что мы знаем? – спросил Кристи и устремил на Алекса задумчивый взгляд голубых глаз.

– Не очень много, – признал полицейский. Он рассказал начальнику, что другие два офицера опрашивают миссис Шнайдер и Софию. – Хотя они уже давно там сидят.

– Наверное, просто не хотят выходить и опять на это смотреть, – решил Кристи. – Или миссис Шнайдер устроила скандал. Сомневаюсь, что проблема может быть в Софии. Кто присматривает за детьми?

Алекс осознал, что даже не подумал об этом.

– Хочешь пойти поговорить с женой? – спросил Кристи, догадавшись, в чем причина смятения коллеги. – В любом случае, лучше поскорее отправить ее домой. Скажи Панталео остаться с миссис Шнайдер, пусть не выпускает ее из дома. Хендрикс и Миллер могут вернуться в участок и отвечать на звонки. Ты сможешь мне сделать снимки и собрать образцы крови.

Алекс взбежал на крыльцо. Даже с улицы он слышал пронзительный голос миссис Шнайдер. Он толкнул дверь и увидел, что Панталео и Хендрикс стоят перед старушкой с крайне беспомощным видом. Все трое обернулись в сторону Алекса. Во взгляде офицеров явно читалось облегчение.

– Где Соф?

– Ушла домой минут десять назад, – ответил Панталео. – Через переднюю дверь.

Алекс не винил жену, что та не вышла обратно во двор. Не винил, что она не попрощалась. Будь у него такая возможность, он бы тоже не стал смотреть на останки девочек снова.

– Шеф на месте. Хендриксу и Миллеру приказано возвращаться в участок. Панталео, останешься здесь с миссис Шнайдер.

Хендрикс постарался удержать улыбку, что расплывалась на его лице. Панталео выглядел как человек, которого отправили на корм акулам.

– Если шеф Кристи тут, я требую, чтобы мне позволили поговорить с ним, – заявила миссис Шнайдер. – Я хочу знать, куда катится этот город, если такие вещи не просто происходят, но происходят с невинными, совершенно посторонними людьми.

Алекс стал быстро соображать. Шеф не оценит, если ему придется выслушивать очередную тираду пожилой женщины.

– Нам необходимо сделать несколько снимков и собрать образцы с места преступления, миссис Шнайдер. И чем быстрее мы это сделаем, тем быстрее ваш

двор приберут. Уверен, шеф будет рад с вами пообщаться, как только мы закончим с делами, – ответил Алекс и выдал свою лучшую сдержанную рабочую улыбку, в которой дружелюбие соседствовало с признанием серьезности ситуации.

София однажды спросила, репетировал ли он ее перед зеркалом, и офицер был вынужден признать, что это так. Не так уж легко приучить свое лицо сохранять определенное выражение, когда взаимодействуешь с людьми в стрессовых ситуациях, а они у копов случаются чуть не каждый день.

Когда Алекс вновь вышел на улицу, он задумался о том, что именно София рассказала Вал, Камиле и Даниэлю. Наверное, ничего. Он надеялся, что ничего. Но кто-то из ребят точно заметил три полицейские машины, припаркованные через дорогу.

Миллер принес не только камеру, но и маленький чехол с инструментами для сбора улик. Кристи натягивал латексные перчатки, когда к нему присоединился Алекс. Хлопнула задняя дверь, и краем глаза офицер увидел, как стремительно мимо пробегает Хендрикс. Через минуту до них донесся шум уезжающей патрульной машины. Алекс надел перчатки и указал на камеру.

Кристи кивнул:

– А я возьму пробы. Хотя у тебя, наверное, в этом больше опыта.

– Неа, – ответил Алекс, вынимая фотоаппарат из чехла. Это был стандартный «Пентакс» 35 мм. Наверное, надо будет завезти пленку с места преступления в студию Макдауэлла. В полицейском участке проявочной не было. – В Чикаго у нас работала отдельная команда людей, которые приезжали, все фотографировали и собирали улики. Патрульные просто стояли и отгоняли зевак, – тут он прервался и оглядел высокую изгородь вокруг маленького королевства миссис Шнайдер. – Кстати, а тут их почему нет?

– Кого? – переспросил Кристи.

– Зевак, – ответил Алекс. Он знал как минимум несколько человек, помимо Софии, которые днем бывали дома. Его шокировало полное отсутствие какого-либо интереса к происходящему в районе. Кроме того, для летнего дня стояла

неестественная тишина. Разве дети не должны бегать во дворе, резвиться под опрыскивателями, кататься на велосипедах по тупиковой части улицы, где нет машин? Почему подростки не врубают Майкла Джексона на полную громкость на магнитофоне? Он не слышал даже шума дневных телепередач сквозь открытые окна.

«Как будто все прячутся, чтобы их не заметили, – подумал Алекс. – Но от кого?»

Кристи пожал плечами:

– Местные обычно не суют нос в чужие дела. Ты здесь недавно, поэтому все еще размышляешь, как городской коп, – думаешь, что за тобой постоянно наблюдают. Но в Смитс Холлоу все не так.

– Ага, – ответил Алекс. Кроме удушающей жары на него стала давить тишина. Когда офицер поднял камеру к глазам, он ощутил, как пот, собравшийся на скуле, липнет к видеоискателю.

Он сфотографировал место преступления с разных ракурсов, чтобы Кристи мог начать собирать образцы, а затем опустился на землю, чтобы снять головы девочек вблизи. Алекс поднес камеру к лицу и навел фокус на девочку с длинными косами.

Голова посмотрела прямо в объектив, открыла рот и прошептала: «Помоги мне».

Алекс отпрянул, уронив фотоаппарат в траву.

Кристи оглянулся:

– Проблемы, Лопез?

Офицер потряс головой и снова поднял камеру. Шеф вернулся к работе. Руки Алекса дрожали – несильно, он надеялся, что Кристи не заметит. Конечно, Алекс ничего не видел. Его просто доконала жара, тишина и эти ужасно странные убийства.

Он снова навел фокус на лицо девочки, задержав дыхание.

Ничего не произошло.

Конечно, ничего не произошло, идиот. Это все твое воображение.

Алексу пришлось обойти тела, чтобы сфотографировать лицо второй девочки: головы были поставлены щека к щеке. Он заметил, как Кристи складывает отдельные кусочки внутренностей в пластиковый пакет, и мысленно содрогнулся.

«Да, тебя проняло», – подумал он. Алекс сделал глубокий вдох и выдохнул через нос – старый прием, чтобы не тошнило на особенно скверных местах преступлений. Сейчас его не мутило – просто хотелось успокоить нервы. Пара мух пикировала ему на голову, и Алекс отогнал их.

Полицейский сперва встал на колени, а затем лег на живот и поднес камеру к глазам. Девочка с короткими светлыми волосами смотрела куда-то вдаль.

Он направил на лицо объектив и завел палец над кнопкой спуска, когда ее голубые глаза резко метнулись в его сторону, а с губ слетело: «Мы – не единственные жертвы».

Алекс, видимо, был готов к чему-то подобному, хоть и пытался убедить себя, что это просто виде?ние. Крайне осторожно он опустил камеру на траву. Сердце колотилось о ребра, о землю, на которой он лежал.

В этот раз Кристи, судя по всему, ничего не заметил. На мгновение Алексу пришла в голову дикая мысль, что шеф тоже слышит девочек и лишь делает вид, что ничего не произошло.

Но это казалось еще более абсурдным, чем то, что мертвые могут разговаривать. Даже такой здравомыслящий человек, как Ван Кристи, как-то отреагировал бы, услышь он голоса на месте преступления.

«Еще разок», – подумал Алекс и поднял камеру.

Он был готов, когда девочка с короткими волосами взглянула в объектив и произнесла: «Найди их. Других девочек, таких же, как мы. Найди их».

Офицер нажал на спуск, чтобы Кристи не решил, будто он просто уставился в никуда, и выждал еще немного. Новых посланий не было. Мертвые девочки сказали все, что хотели.

Найди их. Других девочек, таких же, как мы.

Алекс поднялся, обыденно отряхнул штаны и надел на объектив крышку. Все это он проделал нарочно, чтобы успокоить бешеный пульс и столь же бешеные мысли.

– Никогда ничего подобного не видел.

– И никто не видел, – проворчал Кристи.

– Хотя в прошлом году у вас было одно похожее дело – Джо Ди Муччи?

Шеф перевел взгляд на Алекса, и глаза его заволкло дымкой, как будто тому приходилось искать мужчину по имени Джо Ди Муччи где-то глубоко в чертогах памяти.

«Так же, как Миллер, – отметил Алекс. – Хотя, казалось бы, они должны хорошо помнить мужчину, которого нашли с вырванным сердцем».

– Точно, – наконец сказал Кристи. – Папа Лорен.

Ну вот опять. Не муж Карен, а папа Лорен.

– Там разве не было чего-то подобного? – уточнил Алекс. – Я тогда еще тут не работал, но...

– Нет, все совсем иначе, – отрезал Кристи, убирая последние образцы в кейс. – Это было случайное убийство, совершенное каким-то бродягой.

– Бродягой, – повторил Алекс. – Получается, какой-то бродяга просто так убил человека и вырезал сердце?

– Получается, что так, – согласился Кристи. – Это не мог быть кто-то из Смитс Холлоу. У нас такие не живут.

Его тон намекал, что тема закрыта. Алекс был поражен, что шеф полиции может полностью проигнорировать преступление с похожим почерком в городе, где других преступлений почти нет. Он подумывал спросить, почему Кристи пришел к такому выводу, но передумал. Лучше не показывать свою заинтересованность. Сам потом разведает.

– Что ж, я позвоню в похоронное бюро, чтобы они забрали останки, – сказал Кристи.

– Дин Рэйнолдс не судмедэксперт, – на автомате прокомментировал Алекс, хотя начальник и без того это знал.

Шеф кивнул:

– Он заберет то, что осталось от девочек, и положит в холодильник, пока до нас не доедет судмедэксперт из полиции штата. А ты пока поезжай в участок и посмотри, заявляли ли о пропаже детей в округе. Эти девочки мне не знакомы. Не думаю, что они учатся здесь в школе.

– Если они не из Смитс Холлоу, то скорее всего приехали на машине. Когда я закончу обзванивать службы, покатаюсь по округе, поищу брошенные машины в районе леса.

– Хорошая идея, – сказал Кристи. – Чем быстрее мы установим личность девочек, тем лучше.

Алекс подумал, что в словах шефа читается другой посыл: чем скорее мы их опознаем, тем скорее сможем закрыть дело, будто ничего и не произошло.

Он спросил себя, в чем причина такой уверенности, что начальник имел в виду именно это, и почему Кристи выглядит таким подозрительно незаинтересованным.

Найди их. Других девочек, таких же, как мы.

Алекс подумал, что после того, как он закончит с поручениями, можно будет полистать старые дела.

Других девочек.

«Каких других девочек?» – спросил себя Алекс.

7

Лорен не хотелось садиться на велосипед после того, как она обнаружила на нем кровавый отпечаток, но в итоге девочка сдалась: катить до дома будет слишком долго. Кроме того, если она его повезет, то окружающие могут заметить кровь.

Салфетки или чего-то подобного Лорен не нашла и поэтому взяла горсть земли и размазала ее по сиденью, чтобы скрыть отпечаток. Теперь ее руки были перепачканы еще и кровью, и девочка насколько могла обтерла их об обрезанные джинсовые шорты – выглядело просто как грязь.

Мама обязательно будет ругаться из-за пятен на штанах, но мама ругалась из-за всего, что делала Лорен, – так что ничего нового.

Девочка аккуратно опустилась на сиденье велосипеда, стараясь не думать о том, в чем ее руки и сиденье. Отогнать от себя мысли о виде?нии – а это было именно виде?ние – про девочек, разорванных на клочки, было намного сложнее.

«Разорванных на клочки монстром, – подумала Лорен. – Монстром с человеческими руками».

Увиденное казалось какой-то бессмыслицей. Девочка скорее всего выкинула бы этот образ из головы, если бы не отпечаток руки.

Тот только сильнее запутывал ситуацию, потому что тоже был не совсем человеческим.

Правильно, думай об отпечатке, потому что, когда ты думаешь об отпечатке, ты можешь не думать о девочках.

А Лорен не хотела думать о девочках. Мигрень практически прошла, но за глазами ощущалась остаточная боль, словно она недавно ударилась головой.

На дороге было больше машин, чем раньше. Лорен выдвинулась на встречу с Мирандой сразу после обеда, и тогда люди в основном сидели по домам. А сейчас все отправились по делам, за книгами в библиотеку, за продуктами в магазин, повезли детей на бейсбольные тренировки. Лорен часто сигналили автомобили, и девочка всегда махала в ответ, даже если не узнавала водителя. Важно было держаться как обычно, держаться так, словно она просто едет домой после прогулки с Мирандой.

Лорен порадовалась, что подруги не было рядом, когда она вошла в лес. Миранде сперва стало бы противно от рвоты, потом страшно от приступа головной боли с последующим катанием по земле, а уж отпечаток руки на велосипеде и вовсе довел бы девочку до истерики. Так что, наверное, это к лучшему, что Лорен удалось выскользнуть из «Автоматов мечты» в одиночестве.

А если Миранда обиделась и не будет ей звонить какое-то время... Что ж, Лорен переживет. Она не разделяла восторгов на тему Тада и не желала тратить драгоценные летние деньки на то, чтобы смотреть, как он красуется в зале игровых автоматов.

А что, если Миранда больше никогда не позвонит? Что если она настолько обиделась, что больше никогда не станет с тобой разговаривать?

Лорен подумала, что, пожалуй, это ее расстроит, ведь они с Мирандой дружили очень давно. Но это вряд ли произойдет. Как только Миранда забудет Тада, ей опять понадобится человек, с которым можно будет поболтать, и, конечно, она позвонит старой доброй Лорен.

Но она не собирается просто сидеть и ждать подругу, решила девочка. Она будет заниматься своими делами.

«Какими еще своими делами? – прошептал тихий голосок у нее в голове. – Все, чем ты занимаешься, все, чем ты занималась хоть когда-то, ты делала с

Мирандой».

«Найду себе новое занятие», – отрезала Лорен.

Она свернула на свою улицу, которая заканчивалась тупиком. Дом девочки был третьим справа, и как только она притормозила на подъездной дорожке, к перекрестку подъехал патрульный автомобиль полиции Смитс Холлоу.

Она помахала офицерам Миллеру и Хендриксу – последний сидел за рулем. Лорен он нравился: молодой, с приятной улыбкой и морщинками от смеха вокруг карих глаз. Завидев девочку верхом на велосипеде, он всегда притормаживал и опускал окно, чтобы спросить, как у нее дела.

Лорен считала, что, возможно, офицера Хендрикса по-настоящему беспокоила смерть ее папы, и он расследовал дело в одиночку, а расспросы про то, как у нее дела, – это тайный сигнал того, что не надо сдаваться, он все исправит и поймает убийцу.

Но в этот раз полицейский не остановил машину и не опустил окно. Казалось, он даже не заметил Лорен, хотя она стояла на солнце. Офицер Хендрикс промчался мимо намного быстрее, чем положено в жилой зоне, и девочка вдруг вспомнила, как днем патрульные автомобили летели по Мейн-стрит с орущими сиренами.

Она взглянула на тупик. У дома миссис Шнайдер, напротив Лопезов, была припаркована еще одна машина и «Шевроле» шефа полиции. Старушка Лорен никогда не нравилась: она всегда кричала на нее и других детей, когда те играли на улице в бейсбол или в футбол, и говорила, что они якобы «дико шумели».

Может быть, что-то произошло с ней. Хорошо. Хотя бы не с кем-то, кто мне нравится.

Она покатила велосипед на задний двор. Поначалу Лорен хотела помыть сиденье из шланга, но потом решила, что это лишь привлечет внимание к тому, от чего она внимание старалась отвести. Тогда девочка прислонила велосипед к обшитой стене дома и взобралась по ступенькам на крыльцо.

Как и во многих других домах в этом районе, задняя дверь вела на кухню. Брат Лорен Дэвид сидел за белым круглым обеденным столом с раскраской по Хи-Мену и старой коробкой от сигар, в которой хранились мелки: несколько новых, но в основном старые, поломанные, с частично отлепившимися этикетками.

Дэвид аккуратно заштриховывал костюм Скелетора ярко-синим цветом. Он не был похож на других детей своего возраста, которые рассматривали контуры раскраски скорее как препятствия на пути к истинному художественному самовыражению. Малыш всегда держался границ, и каждого персонажа раскрашивал как полагается.

– Где мама? – спросила Лорен, открыв дверь, затянутую москитной сеткой, и прошла к умывальнику.

– Убирается в ванной комнате на втором этаже, – ответил Дэвид. – Она сказала, что если ты опять забудешь, то не даст тебе на этой неделе денег на карманные расходы.

Лорен собиралась убраться после обеда. Правда собиралась. Но потом позвонила Миранда, и девочка забыла.

– Если бы она просто подождала, когда я вернусь, я бы все сделала, – проговорила Лорен раздраженно.

Как будто мама специально старается, чтобы Лорен почувствовала себя глупо, или намеренно ищет предлога наорать на дочь.

Девочка открыла шкафчик под раковиной и достала желтое пластиковое ведро, большую голубую губку и средство для мытья посуды. Бутылка оказалась почти пустой, но ей и надо было совсем чуть-чуть.

Лорен выдавила немного средства в ведро и заполнила его теплой водой до краев.

– Что делаешь?

– Устрою своему велосипеду автомойку, – ответила Лорен, закрывая кран и доставая из-под него ведро.

– Я хочу помочь, – сказал Дэвид, закрывая раскраску и спрыгивая со стула.

– Сперва попроси разрешения у мамы, – Лорен быстро соображала. Пока брат поднимется на второй этаж, она успеет оттереть сиденье от застывшей крови и грязи. – Ты можешь промокнуть.

– Халашо.

Девочка улыбнулась, а Дэвид побежал через гостиную в сторону лестницы. Для маленького ребенка он выражался очень внятно, но всегда произносил «хорошо» как «халашо» – с того самого момента, как научился говорить.

Дэвид встал внизу лестницы и позвал: «Мама!». Ему не позволялось подниматься вверх без присмотра, а поскольку с первого раза его скорее всего не услышат, у девочки появилось в запасе несколько минут. Она выбежала на улицу с ведром, не обращая внимания на то, что немного воды выплеснулось прямо на пол кухни. Подотрет, когда закончит, а сейчас главное помыть сиденье.

Спустя пару минут Дэвид вышел через заднюю дверь, и она с хлопком закрылась за его спиной – эта привычка сводила маму с ума.

– Мама сказала, что я могу помочь.

Лорен уже протерла сиденье и начала мыть раму.

– Чем будешь мыть, пальцами?

Дэвид нахмурился:

– У меня нет губки.

– Сходи поищи еще одну в шкафчике, – сказала Лорен. Она была почти уверена, что видела там ярко-розовую губку в упаковке.

– Халашо, – Дэвид зашел обратно.

Лорен осмотрела сиденье, покрытое узором из света и тени от дуба, что рос у них во дворе. Оно еще не высохло, так что девочка не могла быть уверена на 100 %, но вроде бы крови не было видно. Она прошлась по нему мыльной губкой еще раз – чтобы наверняка.

Вдруг до нее донесся скрип – как будто резиновая подошва кроссовка скользит по полу, – глухой удар и крик Дэвида.

Вода. Она уронила губку в ведро.

Когда Лорен распахнула заднюю дверь, малыш сидел, потирая затылок. В целом он не был плаксивым ребенком, но слезы собрались в уголках его глаз, а значит ударился Дэвид довольно сильно.

– Милый, ты в порядке? – спросила Лорен, опускаясь на пол и подхватывая брата, чтобы усадить его на колени.

– Расшибся голову.

– Ушиб голову, – поправила его Лорен с улыбкой. – Или расшибся. Но не все сразу. Я могу посмотреть?

Он кивнул, вытирая слезы с лица. Новые уже не текли, и Лорен заключила, что малыш в порядке. Она аккуратно прикоснулась к его затылку. Там была маленькая, едва заметная шишка.

– Лед принести? – спросила она.

Дэвид поморщил нос, будто размышлял об этом. Затем покачал головой:

– Просто маленький расшиб.

– Ушиб, – Лорен чмокнула его в щеку. – Может, мороженого?

– У нас нет, – ответил Дэвид. Он лучше сестры знал, где что лежит, потому что ходил по магазинам с мамой.

– Куплю тебе, когда фургон с мороженым приедет вечером. На свои деньги, хорошо? Потому что это я виновата, что ты упал.

– Халашо. Только фургон сегодня может и не приехать.

– Почему нет? – спросила Лорен. – На каникулах он бывает каждый день.

На их улице жило много детей, а тупик был достаточно безопасным местом для того, чтобы припарковаться и спокойно обслуживать толпы ребят, которые атаковали фургон, стоило им только слышать первые ноты «Затейника» – его фирменной мелодии.

– Он может не приехать сегодня из-за мертвых девочек, – ответил Дэвид.

Две девочки идут за руку.

– Каких девочек, Дэвид? – спросила Лорен. Она изо всех сил старалась заставить свой голос звучать спокойно. Откуда он мог знать про девочек из ее виде?ния?

– Мертвых девочек из двора миссис Шнайдер, – буднично ответил он. Он взглянул на сестру. – Там было много крови. Ты видела их, Лорен?

– Дэвид, ты что...

На пороге материализовалась мама – или по крайней мере Лорен так показалось. Ступени лестницы страшно скрипели, так что обычно, если кто-то спускался или поднимался, всем было прекрасно слышно. Проскользнуть вниз по лестнице к холодильнику посреди ночи, чтобы мама не заметила, было решительно невозможно. Но сейчас Лорен так шокировали слова Дэвида, что она ничего не услышала. Мама выглядела вспотевшей и раздраженной:

– Что случилось?

– Я поскользнулся и расшибся голову.

Мама мгновенно разглядела своими орлиными глазами капли воды на полу:

- Ты поскользнулся на луже?

- Да, это моя вина, это я пролила воду, - ответила Лорен. - Сейчас приберу.

Лорен поставила Дэвида на ноги, подмигнула и произнесла одними губами: «Мороженое будет потом».

- Ты должна была сразу вытереть. Как можно быть такой безответственной, Лорен? Он мог серьезно пораниться. Мог заработать сотрясение мозга.

- Мам, Дэвид не получил бы сотрясение мозга, поскользнувшись на кухне, - закатила глаза Лорен и потянулась к рулону бумажных полотенец.

Мама шлепнула ее по руке:

- Возьми тканевое полотенце, не бумажное. Мы что, миллионеры? - возмутилась она. Потом она заметила мочалку в упаковке, выпавшую у Дэвида из рук во время падения. - И не используй эту губку для своего грязного велосипеда. Она же совсем новая. Возьми старую.

- Это для меня, мамочка, - ответил Дэвид. - Чтобы я помогал.

- Тебе сестра сказала ее взять?

Дэвид неуверенно перевел взгляд с сестры, которая стояла со старым полотенцем в руках, чтобы протереть пол, на маму. Лорен было ясно, что он не хочет, чтобы ей попало из-за него.

- Да, - Лорен опустилась на колени, чтобы собрать воду. С ее мамой вечно так: упреки, упреки, упреки, ругань, ругань, ругань. Как бы девочка ни поступила, все ей было не по нраву, даже если Лорен старалась сделать все правильно.

- Лорен, я много раз тебе говорила, что мы не можем позволить себе выбрасывать то, что мы покупаем, а ты хочешь мыть велосипед новой губкой,

которую потом придется выкинуть.

- Хорошо, не буду, - девочка изо всех сил старалась не орать на мать, которая, казалось, специально провоцировала ссору.

Если Лорен сорвется на крик, то ее накажут: посадят под домашний арест, запретят смотреть телевизор или заберут карманные деньги на неделю - в зависимости от того, что на этой неделе мама посчитает справедливым (хотя, по мнению девочки, о справедливости тут не могло быть и речи: наказание никогда не было соразмерно преступлению). Она повесила полотенце сушиться на крючок у раковины.

- Не вешай его туда, оно же грязное, - остановила ее мама. - Положи в прачечной с другими грязными полотенцами.

- Окей, - Лорен направилась к стиральной машинке, которая стояла рядом с кухней.

- Что с твоими шортами? Они все в грязи.

- Я знаю, - Лорен закатила глаза, потому что была уверена, что мама этого не увидит. - Мой велик тоже, поэтому я его и мою.

- Надо было сперва снять шорты и замочить их. Пятна могут не отстираться.

- Не думаешь, что логичнее сперва помыть велосипед? Я же скорее всего снова перепачкаюсь во время мойки, а зачем портить чистые шорты?

- Не разговаривай со мной таким тоном, юная леди, - мама всегда обращалась к этой фразе, когда Лорен была права, но ей не хотелось этого признавать. Девочка бросила тряпку в кучу белья, сложенного у стиральной машины, и вернулась на кухню.

- Ты загрузила стирку? - спросила мама.

Лорен застыла:

- Нет, ты же не сказала.

- Мне реально нужно каждый раз просить тебя о помощи? А, и правда нужно, как я могла забыть. Кстати, я только что закончила делать твою часть уборки наверху.

Девочка открыла рот, но сразу захлопнула.

Я не буду спорить. Я не буду спорить. Я не буду спорить.

- Пойду домою велосипед, - произнесла она и вышла.

Вряд ли мама пойдет следом, чтобы продолжить свою тираду: она всегда переживала о том, что подумают соседи. Правда, Лорен могла бы сказать ей, что им и так слышны ее крики, особенно при открытых окнах. А окна были открыты всегда, потому что дома было всего два кондиционера, и мама заявляла, что платить за электричество еще больше они себе позволить не могут. Та всегда психовала, если Лорен оставляла включенным кондиционер у себя в комнате, когда из нее выходила.

- Не трать много воды, когда будешь его мыть, - крикнула вслед мама. - У нас и без того счета за воду...

- ...запредельные, - закончила Лорен под нос, чтобы та не услышала.

- Нет, Дэвид, останься тут, - отчеканила мама. - Я осмотрю твой затылок.

Ответ малыша донесся через заднюю дверь:

- Но, мамочка, я хочу помочь Лорен.

- Вам обоим нет смысла пачкаться. У меня и так достаточно стирки.

Лорен села на корточки и протерла колеса. Была ли мама такой до смерти папы? Да, иногда, признала девочка, правда в основном она злилась именно на него. Лорен вспомнила, как та постоянно жаловалась на отцовские промасленные комбинезоны, на то, что он оставлял грязные кофейные чашки в раковине и

бросал использованные полотенца на пол ванной.

И да, это было не очень-то мило с его стороны.

Папа поступал неосмотрительно, но Лорен была уверена, что не со зла. Отец просто был забывчивым, легко отвлекался. А мама всегда реагировала так, будто он делал это намеренно – лишь бы ее разозлить.

По спине Лорен сбежала струйка пота, и неожиданно она вспомнила все, что произошло перед тем, как она зашла в лес. Ее вырвало позади лавки Фрэнка, и Джейк Хэнсон принес ей воды.

И положил руку Лорен на спину. Она практически ощущала ее сейчас, будто прикосновение призрака.

Девочка почувствовала, что краснеет. С чего она думает про Джейка Хэнсона? Он одну минуту был с ней мил, вот и все. Ничего особенного. Кроме того, он был старше нее. Сильно старше. Он бы никогда не посчитал тощую мелюзга, вроде Лорен, прикольной.

На полсекунды девочка подумала позвонить Миранде и спросить ее мнения. Но потом она вспомнила, как пренебрежительно подруга с ним обошлась, хотя Джейк был и старше, и привлекательней Тада. Он по крайней мере не был дураком, настолько заикленным на себе, чтобы не замечать окружающих.

И он прикоснулся к ней и был так добр. Интересно, поведет ли он себя так же, если они встретятся снова.

8

Миранда уже твердо решила, что потеряет девственность с Тадом. Очень странно думать об этом так – «потерять девственность». Будто она где-то случайно ее оставит.

Она часто слышала от девочек, что они берегут себя для кого-то особенного, но Миранда считала, что плева – это обуза, от которой надо избавиться как можно скорее.

Все знали, что парни постарше встречаются только с девочками, которые дают, а Миранда не собиралась тратить время на неудачников-девятникласников. Она хотела одиннадцати- или двенадцатикласника, чтобы у него была машина и он мог возить ее куда-то за пределы Смитс Холлоу.

После «Автоматов мечты» Тад с Билли решили поехать в пиццерию, где оба работали, потому что даже в другую смену им там полагалась скидка.

– Поедешь с нами? – спросил Тад.

– Мне без разницы, – ответила Миранда. Не следовало слишком очевидно показывать, что она хочет провести с ним весь день. Если все делать правильно, то Миранде удастся пробыть с Тадом до темноты. Она не собиралась давать ему уже сегодня, но ее поведение определенно заронит в его голове некие мысли, которые превратятся в поездку на «Поле поцелуев» на его «Камаро».

Родители совсем не замечали, когда Миранда поздно возвращалась домой, а если и замечали, то она всегда могла сказать, что гуляла с Лорен. Они верили словам дочери.

Единственной помехой на пути Миранды оставался Билли. Задачей Лорен было о нем позаботиться, а она в какой-то момент сбежала. Не то чтобы Лорен была суперпривлекательной – особенно в своих детских шмотках, как сегодня, – но ее присутствие решало проблему третьего лишнего.

А теперь Миранда застряла с целыми двумя взрослыми парнями, мечтая, чтобы Билли осознал, что другу не до него, и отправился домой. Это он был третьим лишним.

В пиццерии Тад поинтересовался у девушки, чего она хочет:

– Для меня за полцены – скидка для сотрудников.

Миранда страшно хотела есть, а пицца пахла просто великолепно, но девочка не желала, чтобы Тад посчитал ее за свинью, и ответила:

– Я не голодна, но колу попью.

Она надеялась, что сахар и пузырьки создадут ощущение сытости, и она перестанет думать о пицце. Она прочитала в журнале для девочек «Seventeen», что есть перед мальчиками – большая ошибка. Тад не будет считать ее сексуальной, если увидит, как Миранда двадцать минут обжирается фастфудом.

Юноша пожал плечами и заказал себе два кусочка пепперони и две колы. От вида пиццы у Миранды потекли слюнки. Она и не знала, что так на самом деле бывает – думала, что так только в книжках пишут.

Тад присел на диванчик, девушка проскользнула рядом: Билли все еще заказывал еду – это был ее шанс.

Поначалу Миранда не стала придвигаться слишком близко: юноша выглядел так, будто крайне серьезно относится к еде, и ей не хотелось ему мешать. Парни всегда становятся капризными, когда голодны. Даже папа, который почти никогда не повышал голоса, становился злым, если ужин задерживался. А Миранда не желала, чтобы Тад был раздраженным. У него должно быть великолепное настроение.

– А что случилось с твоей подружкой? – спросил парень с набитым ртом.

– Ей пришлось уйти домой, – Миранда пожала плечами. Завтра она устроит Лорен настоящий разнос по телефону за то, что она ушла, не предупредив.

– Жалко. Она миленькая, хотя и маленькая.

– Она на шесть месяцев младше меня, – сказала Миранда, извиваясь на сиденье, чтобы грудь тряслась и подпрыгивала. – Она все еще незрелая.

Тад не мог отвести взгляд от декольте, как будто девушка была гипнотизером, раскачивающим перед ним карманными часами.

– Да, ты выглядишь намного старше.

Миранда томно улыбнулась и проскользнула поближе, чтобы коснуться его левой руки правой грудью.

– Поделишься со мной пиццей?

Юноша, словно зачарованный, поднес ей ломтик. Она откусила крошечный кусочек с краю, как мышка, – чтобы ни в коем случае не пришлось его долго жевать, будто корове. Соль и масло отозвались у нее на языке взрывом вкуса, и девушка едва сдержала стон. Миранда услышала урчание в животе, но безжалостно подавила голод. Если она сейчас отправится за едой, то упустит Тада.

Девушка аккуратно прожевала крошечный кусочек и быстро провела по губам язычком. Тад проследил за этим движением и тихо выдохнул, а Миранда была абсолютно уверена, что у него встал: парень начал елозить на сиденье, стараясь усесться поудобнее. Тогда она взяла стакан колы и обхватила губами трубочку, вызывая у Тада лишь одну ассоциацию.

Девушке было без разницы, отсосать Таду или нет. Но ей очень нравилась мысль о том, как она будет ездить в школу на «Камаро», может, даже мимо Лорен, которая бы тащилась на своем отстойном велике.

Что ж, Миранда дала подруге шанс. «Камаро» у Билли не было, но имелась какая-то другая машина, и, подыграй она ему, он бы тоже подвозил Лорен на занятия.

Миранда была на волосок от того, чтобы поднять ставки: наверняка, она могла себе позволить погладить член Тада под столом, тогда-то он точно осознает ее посыл, что ускорит дело, – но в тот момент на диванчик напротив завалился Билли.

Тад сразу выпрямился, игнорируя Миранду. Она брякнула стаканом колы об стол, случайно вложив больше силы, чем планировала. Парням не нравились девочки, которые дуются, но, к счастью, Тад ничего не заметил.

– Знаешь, что мне рассказал Ар Джей? – Билли не стал дожидаться ответа и разразился потоком слов: – У какой-то старухи на Мэпл-стрит в саду два трупа нашли! Спорим, туда-то и неслись копы сегодня днем. Блин, надо было ехать следом! Поглядели бы на тела!

– Черт, – выругался Тад и ударил кулаком по столу. – Было бы так круто!

– У какой старухи? – поинтересовалась Миранда.

Билли взглянул на нее так, будто с ним заговорил предмет интерьера. Очевидно, парень не замечал, что она тоже сидит за столом, что было странно: он присутствовал, когда Тад позвал ее в пиццерию. Юноша пожал плечами:

– Не знаю. Какой-то. Какая тебе разница?

– Моя подружка живет на Мэпл-стрит. Если бы я знала, о каком доме разговор, можно было бы сходить посмотреть.

– Там уже ничего нет. Ар Джей сказал, что трупы увезли в холодильнике – наверное, их изуродовали.

– Типа как серийный убийца расчленил? – спросил Тад. – Круто.

Планы на вечер рассыпались у девушки на глазах. Мысли Тада переключились с груди Миранды или губ Миранды на трупы.

– Ар Джей сказал, кого расчленили? – спросила она.

Билли запихнул в рот полкуска пиццы за раз и начал жевать:

– Каких-то девчонок. Никто их не знает.

– Может, они из Силвер Лейк? – спросила Миранда. Это был город по соседству, с торговым центром и четырехзальным кинотеатром, где работал кондиционер. В Смитс Холлоу же имелся только отстойный автокинотеатр.

Это навело Миранду на мысль:

- Кстати, может, сходим в кино?

- Здесь крутят только тот детский фильм и что-то про стариков, - протянул Тад.

- Не тут. В Силвер Лейк. Вроде, там до сих пор идет «Рэмбо».

- Я уже смотрел, - заявил Билли.

- А я нет, - сказал Тад. - Я работал в тот день, когда ты ходил на него с Оуэном и Ар Джеем.

Это воспоминание, казалось, подняло в нем волну раздражения. «Отлично, - подумала Миранда. - Может, теперь он разозлится и решит спровадить Билли».

Она резко пододвинулась вплотную к Таду и прижалась к нему, словно напоминая об обещанном ранее:

- Я тоже его не смотрела.

Тад обнял девушку, и взволнованная Миранда поняла, что это победа. Увидев, как она жметя к его другу, Билли нахмурился.

- Да, детка. Пошли в кино, - сказал Тад, и рука Миранды опустилась ему на колено.

9

Ричард Тохи III служил мэром Смитс Холлоу, как и Ричард, его отец, и Ричард, отец его отца. На самом деле, Ричард Тохи III мог проследить род градоправителей с фамилией Тохи без единого пробела до самого первого мэра Смитс Холлоу - ставленника барона Чикаго. Тот то ли спас город от разорения, то ли отстроил его на пустом месте - смотря кого спросить.

Но сейчас он больше всего на свете мечтал, чтобы его отец и дед, как и все остальные горожане, трудились на заводе по производству консервированного чили. Было бы сущим благословением не думать ни о чем сложнее ипотеки, отчислений в профсоюз и не волноваться, что жена трахается с почтальоном.

По правде говоря, Ричард был практически уверен, что его жена Кристал с кем-то да спит, пока он сидит в офисе каждый день с 9 до 17, пожимает руки обеспокоенным горожанам и обсуждает такие животрепещущие темы, как починка дорожных ям или строительство общественного центра на участке земли, который местные подростки прозвали «Полеми поцелуев».

Пока мэр вел эти крайне занимательные беседы, Кристал кто-то трахает, и, возможно, даже не один, и Ричард был в этом уверен, поскольку к моменту его возвращения домой жена каждый раз только выходила из душа. Она утверждала, что днем тренируется по видеокассете Джейн Фонды, но мэр был убежден, что у Джейн Фонды упражнений на раздвигание ног не было. От аэробики женщины не сияют, а Кристал словно светилась изнутри, и Ричарду даже любовных записок не надо было находить – было и так очевидно, что у его жены кто-то есть.

Не без усилия Тохи переключил внимание на телефонную трубку, которую держал у уха. На том конце спокойный голос Вана Кристи зачитывал ужасные слова про ужасные события, хотя было слышно, что пульс шефа полиции не поднялся даже до 65 ударов в минуту.

«Почему этот мужик всегда такой спокойный?» – подивился Тохи. Он никогда не видел, чтобы Ван Кристи хотя бы лоб наморщил.

Вдруг резко наступила тишина, и мэр понял, что пришла его очередь говорить.

– Что вы предпринимаете, чтобы опознать девочек?

– Они не местные, в смысле не из Смитс Холлоу. Мы направили запросы в полицейские участки в окрестных городах, не пропадали ли у них двое девочек. Лопез считает, что они приехали на машине, так что он ищет брошенные автомобили.

– Если они из Силвер Лейк, то могли добраться на велосипедах, – отметил Тохи. – Не так уж далеко.

– Если мы не найдем брошенных машин, рассмотрим и другие возможности, – мэр практически услышал, как шеф полиции пожал плечами.

Легко Кристи пожимать плечами. Он не нес ответственность за благополучие всего города.

– Считаю, что важно насколько возможно скрывать это от общественности, – заявил мэр. – Нельзя, чтобы люди решили, будто небезопасно выпускать девочек из дома, особенно накануне ярмарки.

Тохи потратил три месяца на ее организацию.

Сперва пришлось отыскать подходящее место. В итоге выбрали огромное открытое поле, заросшее высокой травой, которое старшеклассники прозвали «Поле поцелуев». Это порадовало многих родителей, которые всегда обвиняли Тохи, что тот делает недостаточно, чтобы отвести их детей от искушений плоти. Мэр не собирался объяснять, что подростки обязательно отыщут другое место, чтобы предаваться этим искушениям. Он мог представить, что далеко не одна местная девочка обнаружит руки парня у себя в вырезе блузки во время катания на колесе обозрения.

Поле должны были убрать сегодня – ярмарка должна была открыться уже скоро. Трава вымахала бы снова, стоило на нее упасть хотя бы паре капель дождя, так что скосить ее заранее было нельзя.

Кроме того, Тохи пришлось убеждать пятерых членов городского совета, что провести ярмарку было необходимо. Многие беспокоились, что из-за нее вырастет преступность: от распития алкоголя в общественных местах до карманных краж и проституции.

Тохи умаслил их обещаниями, что на ярмарку тратить деньги приедут люди из окрестных городов, и платить они будут не только за аттракционы и сладкую вату, но и за услуги местных предпринимателей. А если даже этого не произойдет, то город как минимум получит деньги за сдачу поля в аренду. «Бесплатные деньги, – сказал он им, – за брошенный, бесполезный кусок земли».

Удивительно, как перспектива прибыли свела на нет все сомнения.

- Думаю, все выяснится ближе к дате ярмарки, - сказал Кристи.

- Надеюсь на это, - ответил Тохи, и в интонации его читалось: «Уж позаботьтесь».

Он закончил беседу, договорившись, что шеф полиции будет держать его в курсе новостей, и потер лицо руками.

Это создавало проблемы - то, что девочки были из другого города. Ведь так быть не должно. Девочки из Смитс Холлоу - да, но только не из других мест. И уж тем более не мужчины. Когда зимой нашли Джо Ди Муччи, Тохи напрягся.

Он напрягся, потому что под этим деревом должен был лежать не Джо. На его месте должна была быть Лорен.

После тех событий мэр несколько месяцев был весь на нервах, переживая, не рассыплется ли картонный домик, служащий фундаментом города. Тохи отслеживал финансовое благосостояние фабрики чили - основного места работы жителей Смитс Холлоу - так же тщательно, как собственное кровяное давление. Внимательно разглядывал витрины на Мейн-стрит на предмет вывесок «скоро закрытие».

Если мэру повезет, воспоминание об этих девочках скоро исчезнет из памяти горожан - точно так же, как и мысли о тех, что были раньше.

Помнил о них только Ричард Тохи III, его отец, отец его отца и так далее, вверх по родословной. Это был крест всех мэров, хранителей Секрета, которые должны были следить за тем, чтобы все шло, как раньше.

Точнее был еще один человек, который, казалось, знал Секрет, но она никому ничего не говорила - да и все равно не смогла бы ничего с этим поделать.

Десять лет назад Тохи смотрел с Кристал в автокинотеатре фильм «Челюсти». Это было до начала ее дневных любовных походов (а, может, и нет никаких походов - вдруг она действительно просто занимается аэробикой), и

девушка, по всей видимости, была рада провести время вместе. Он-то определенно был рад, когда она прижималась к нему каждый раз, когда обезумевшая акула пожирала очередного незадачливого купальщика.

Но что по-настоящему поразило его в этом фильме, так это мэр. Все горожане вели себя так, будто тот был бессердечным злодеем, раз не стал закрывать пляжи, где завелась гигантская акула, готовая проглотить каждого на своем пути. Но Тохи понимал этого персонажа. Мэр города Эмити просто хотел, чтобы его люди выжили. Он не был бессердечным. Мэр думал о высшем благе, а высшее благо предполагало, что ради остального города парочка пловцов может закончить свою жизнь в брюхе монстра.

Тохи стал градоправителем после своего отца всего за два года до того визита в автокинотеатр, и гибель двух девочек с момента заступления на пост лежала на нем тяжким грузом.

Но после просмотра фильма он осознал, что ему следует относиться к этому по-другому. Ведь не он убил этих девочек. И вообще, он определенно положил бы этому конец, будь это возможно.

Но если Тохи не будет выполнять свой долг, всех в городе могут убить.

Мэр содрогнулся, когда представил мертвыми каждого мужчину, женщину, ребенка в Смитс Холлоу. Он практически видел, как это будет: растерянные агенты ФБР (ведь естественно вызовут ФБР) переходят из дома в дом и находят лишь мертвецов – никто не выживет в результате самого таинственного массового убийства в истории Америки.

Тохи не мог допустить, чтобы Смитс Холлоу запомнили именно так. Он мечтал, чтобы его город стал символом успеха и производительности в регионе, в котором была лишь разруха. Мечтал, чтобы все другие города смотрели на Смитс Холлоу с завистью и желанием повторить его подвиг.

Да, с торговым центром вышло неудачно – Тохи это признавал. С его стороны было крайне недальновидно позволить Силвер Лейк предложить застройщику более выгодные условия по налогообложению. Он переживал за Мейн-стрит, желал защитить локальный бизнес, который иначе столкнулся бы с необходимостью конкурировать с крупными сетями национального уровня. Тохи

и сейчас считал, что с этой точки зрения принял верное решение, однако строительство торгового центра создало в Силвер Лейк огромное количество новых рабочих мест и вызвало беспрецедентный экономический рост. Будь он более дальновидным, возможно, получилось бы сберечь Мейн-стрит и построить магазин.

Но, конечно, торговый центр привлек бы больше посетителей, а среди этих посетителей – больше девочек.

Так смотреть на ситуацию было тяжело, но от этого некуда было деться. Все, кто приезжал в Смитс Холлоу, никогда его не покидали. Точнее они могли попробовать сбежать: отправиться на учебу в колледж, пойти в армию, на несколько лет переехать в Чикаго или другой город – но всегда возвращались.

А значит была кровь, чтобы кормить тварь.

Если подумать, Тохи по-настоящему служил обществу.

В конце концов, через некоторое время народ забывал про девочек – даже их семьи. Воспоминание об обнаруженном под деревом изувеченном теле постепенно угаснет, а на замену ему придет убеждение, что девочка погибла в автокатастрофе или по какой-то другой причине. Или память о дочери померкнет вовсе, как будто ее и не существовало.

Мэр не знал, всегда ли мысли о гибели девочек со временем исчезали и трансформировались во что-то другое или горожане иногда что-то помнили. Возможно, только спустя годы этой информацией обладали лишь Тохи.

Был еще этот Джо Ди Муччи. На его месте должна была быть Лорен – это ее имя мэр вытянул во время жеребьевки, которую проводил каждый год, – и на следующий день он с уверенностью ожидал услышать от полиции доклад о ее смерти. Когда Тохи узнал, что под деревом обнаружили Джо с вырванным сердцем, его охватила паника.

Теперь все в опасности? Значило ли это, что теперь закроется завод, обанкротятся предприятия, и город постигнет разорение?

Но трагедии не случилось, и через какое-то время мэр решил, что все в безопасности. Но он все равно не сумел разобраться, почему Джо оказался в лесу вместо Лорен.

Он вытянул ее имя, и обычно этого было достаточно. На следующий день обнаружили бы останки, а Тохи смог бы делать вид, что до следующего года обо всем можно забыть, как люди поступают с мыслями о походе к стоматологу на чистку зубов. С глаз долой из сердца вон – по крайней мере, пока дата, обведенная кружочком, не появится снова на календаре.

Но в этот раз были эти девочки, эти таинственные девочки. Их имена не вытянули в ходе жеребьевки. Они не были из Смитс Холлоу. Они не должны были погибнуть в лесу. Да, катастрофа еще не произошла, но это лишь значит, что она случится в будущем.

«Не случится, пока мэр я», – подумал Тохи. Если для сохранения статуса-кво ему придется пожертвовать каждой девочкой в городе, он так и поступит.

Другие девочки всегда найдутся.

Мэр бросил взгляд на наручные часы. Наверняка никто не заметит, если он устроит небольшой перерыв.

Может, забежать домой, съесть сэндвич со своей любящей женой. У него неожиданно возникло острое желание взглянуть, с кем же Кристал каждый день занимается аэробикой.

10

Карен смотрела, как Лорен отскребаёт стеклянную форму, на которой на ужин запекались куриные ножки. Она ощутила, как к горлу подкатывает желание начать критиковать дочь: Лорен плохо промыла уголки, а если их не отчистить сейчас, жир присохнет – но сдержалась. Лорен и без того практически не разговаривала с матерью после дневного срыва.

Дело в том, что Карен отлично осознавала, что она перегибает. Осознавала, что половина высказанного дочери являлось не более чем придирками, и что Лорен в принципе была хорошим ребенком. Осознавала, что с каждой новой ссорой на пустом месте пропасть между ними только увеличивается.

Но потом Карен видела, как Лорен делает что-то хотя бы капельку неправильно или не подумав – например, оставляет пролитую воду на полу кухни, – и ощущала волну гнева, причем не соразмерного серьезности (или абсолютной несерьезности) проступка. Переходя на крик, мать будто видела себя со стороны: какой нелогичной она казалась, как беспомощна была она перед лицом эмоций.

Карен решительно отвернулась от раковины и стянула со стола скатерть, чтобы вытряхнуть крошки на улице. Ей не следовало опять провоцировать ссору с Лорен – а женщина была честна с собой и признавала, что действительно провоцирует. На душе было беспокойно с самого того момента, как ей позвонила София Лопез и рассказала, что обнаружила миссис Шнайдер истошно вопящей у себя в саду над двумя изувеченными телами девочек.

Целый день Карен старалась забыть этот... если честно, она сама не знала, как назвать то, что произошло с Дэвидом на тротуаре. Транс? В тот момент мальчик выглядел так, будто переживал приступ лунатизма или видел кошмар наяву. А потом лишь улыбнулся и спросил: «Мороженого?» Карен не знала, как поступить. Если малыш не помнил, что говорил, то и рассказывать ему не следовало: зачем сообщать четырехлетке, что он только что описывал кровавую сцену? Так что она просто купила ему клубничный рожок, а себе ванильный, но даже не почувствовала вкуса.

А потом София позвонила рассказать, что случилось днем в их районе, и Карен застыла в ужасе, не в силах произнести ни слова. Не из-за девочек, хотя и это было ужасно. А потому что Дэвид об этом знал, хотя знать не мог.

– Карен? Ты еще тут? – спросила София.

– Да. Тут, просто в шоке.

– Это ты их еще не видела. Не представляю, как меня не стошнило прямо на лужайку Старой Расистки. Карен, это было чудовищно.

Женщина не стала уточнять детали. Она и не хотела их знать, а София точно предпочтет не рассказывать про такую жестокость при детях.

«Дэвид наверняка будет знать, если его спросить», – подумала Карен, заноса скатерть обратно в дом. Но она не спросит. Лорен домыла посуду и сбежала из кухни, пока Карен предавалась размышлениям снаружи. Посуду она бросила сушиться на полке, а не протерла полотенцем и не убрала в шкафчик, и матери пришлось сжать зубы, чтобы не выкрикнуть имя дочери.

Из спальни Лорен на втором этаже доносилась музыка: девочка все равно ничего не услышит, пока на полную громкость гремит «When Doves Cry» Принца. С момента выхода альбома «Purple Rain» Карен уже слышала эту песню бесчисленное количество раз и не могла дождаться, когда уже дочь найдет себе новое увлечение. Женщина сварила себе полчайничка кофе без кофеина: кофеин вечером – плохая идея. После трех часов дня она даже баночку газировки «Таб» себе позволить не могла – иначе всю ночь будет глядеть в потолок и слушать скрипы в доме, пока остальные спят.

Но сегодня я и так не усну, потому что, кажется, у моего ребенка экстрасенсорные способности. Хотя это абсурд.

Но как еще Дэвид мог знать про тела и про миссис Шнайдер? Это явно экстрасенсорика. Карен помотала головой. От одной только мысли о слове «экстрасенсорика» она чувствовала себя душой. Дети-ясновидящие – это что-то из книжек Стивена Кинга, типа той, по которой в прошлом году вышел фильм с Дрю Бэрримор. Женщина постаралась вспомнить название. Что-то про огонь? Про девочку, которая могла разжигать пламя силой мысли? Но Дэвид не такой. Так бывает только в книжках.

На полсекунды ей захотелось, чтобы Джо оказался рядом, чтобы было с кем поделиться. С кем-то, кто не расскажет потом о ее переживаниях всем соседям.

Но потом она вспомнила, каким бесполезным собеседником был ее муж: он бы просто не обратил внимания на ее страхи.

А еще Карен вспомнила, что Джо не было рядом, потому что его убили по пути к любовнице. Он считал, что жена не догадывается о его секрете, но она все

знала. Карен и без того была в двадцать раз умнее Джо, но он особо и не скрывался. Мужчина перестал возвращаться домой на обед – вместо этого просил Карен завернуть ему еды с собой или сообщал, что ходит в кафе. Экстренные дела заставляли его задерживаться на работе по ночам – какие-то люди, которым страшно необходимо было починить автомобиль именно до завтра. А когда жена спрашивала, что это за неотложные заказы, Джо отводил глаза и отвечал, что не знает хозяина машины.

В каком-то смысле, она была не против. Как только у мужа появился секс где-то на стороне, он перестал донимать ее на эту тему. Карен давно уже не хотелось с ним спать. Зачастую она соглашалась, просто чтобы Джо оставил ее в покое, и она могла спокойно уснуть.

Женщина не могла смотреть на мужа и не думать о всех его мелких привычках: разбрасывать свое барахло, чтобы она прибрала, не слушать, когда она рассказывала о чем-то, или – что хуже – просто перебивать, игнорировать все ее переживания. Сложно испытывать романтические чувства к кому-то, кто считает глупостью то, что ее бесят грязные стаканы, оставленные в раковине.

И да, она признавала, что до некоторой степени это и было глупостью. Это сущая мелочь. Но мелочи накапливаются. И с тем же успехом они могли бы накапливаться в его пользу, но Джо не желал меняться. И, возможно, если бы она не ощущала, что у нее просто не двое, а трое детей, за которыми надо постоянно прибираться, то отношения можно было бы спасти.

Но им не довелось проверить это на практике.

И если бы Джо не умер, может, она бы сейчас была не вдовой, а разведенкой.

Именно в этом и крылась истинная причина их постоянных ссор с Лорен. Дело не в том, что у девочки-подростка бурлили гормоны и она совсем съехала с катушек – по крайней мере, это лишь часть беды.

Другая часть заключалась в том, что Карен испытала облегчение, когда умер Джо, и Лорен никогда ее за это не простит. Дело не в чем-то конкретном, не в том, что мать сказала или сделала. Девочка поняла все сама, хотя Карен и отрицала обвинения. Но у нее не было выбора – как можно сказать дочери, что ты рада смерти ее отца?

Дэвид лепил в гостиной. Ему нравилось взять цветную страницу с комиксами из воскресной газеты, раскатать пластилин по любимым кадрам и хорошенько прижать, пока чернила не отпечатаются. После чего он демонстрировал маме полученную картинку, скатывал ее обратно и начинал заново. Сейчас Дэвид распластался на полу в окружении газетных страниц, чтобы было из чего выбрать. Пластиковое яйцо, в котором хранился пластилин, лежало на кофейном столике – обе половинки аккуратно защелкнуты. Дэвид был полной противоположностью Лорен – никогда ничего не оставлял валяться на полу, чтобы кто-то убрал за него или споткнулся.

Карен хотелось бы думать, что это ее заслуга, но она знала, что в действительности это просто особенность характера: например, в характере Лорен было бросать грязные носки на пол там же, где она их сняла. Так делал и Джо.

Женщина села на диван с кружкой кофе, посмотрела на сына и задумалась.

– Гляди, мамочка! – сказал Дэвид и поднял кусочек пластилина с отпечатанным на нем комиксом про принца Вэлианта.

– Замечательно, солнышко, – сказала Карен, но на самом деле она ничего не видела. Перед ней стоял образ: Дэвид на тротуаре, глаза пустые, а потом он переводит взгляд прямо на мать.

«Это миссис Шнайдер. Она кричит. Там столько крови».

11

Миранда крутила в пальцах ломтик картошки фри, которую Тад оставил на столе, и глотала поднимающиеся в горле слезы. Она не будет плакать на людях, особенно когда каждые пару минут на нее глядят эти сучки. Девушка не понимала, что пошло не так. Тад отделался от Билли в пиццерии, как Миранда и рассчитывала, а когда они сели в «Камаро», поцеловал ее и даже быстренько полапал за грудь, после чего улыбнулся и завел двигатель.

В торговом центре выяснилось, до следующего сеанса «Рэмбо» оставался целый час, так что ребята решили немного прогуляться. Тад положил ладонь в задний карман джинсов Миранды, и она не возражала, позволяя парню тискать свою задницу, когда вздумается. Его стояк можно было разглядеть даже через штаны, так что девушка была уверена, что в кинозале он точно даст волю рукам.

Тогда Тад решил, что опять проголодался, и они двинулись на фудкорт. Парень пошел заказать картошки фри в Макдоналдс, а Миранда поняла, что если она не хочет упасть в обморок, то ей тоже надо хоть чем-то перекусить. От ароматов кафешек в животе все переворачивалось. Но, поскольку девушка не планировала есть перед Тадом, как свинка, она зашла в сок-бар «Орандж Джулиус» и купила коктейль в надежде, что фрукты ее насытят.

Когда Миранда вернулась, юноша уже сидел за столом и жевал один из двух бигмаков. На бумажный вкладыш на подносе была навалена грудa картошки с кетчупом.

- Угощайся, - предложил Тад.

- Не хочется, - ответила она и указала на стакан.

- Девчонки никогда не едят, да? - усмехнулся парень, запихивая в рот три кусочка картошки за раз. - Видимо, поэтому у тебя такая фигура.

Он осмотрел ее с ног до головы - Миранда наклонилась вперед и поставила локти на стол, сжимая грудь. Тад одобрительно кивнул.

- А ты горячая, детка.

Он уже второй раз так ее называл, и у Миранды появилось странное чувство, что Тад просто забыл ее имя. Но это же смешно. Они ведь общались по телефону?

- Тебе понравился первый «Рэмбо»? - поинтересовалась девушка.

- Ага, Сильвестр Сталлоне крутой. У него такие громадные накачанные ручки в этом фильме - видала на постере? Интересно, сколько он жмет.

Миранда не стала комментировать тот факт, что постер был нарисован. В конце концов, она видела Сталлоне в других фильмах, и руки у него действительно были огромные.

Тад напряг тощенький бицепс:

- Мне на день рождения подарят набор свободных весов. До начала учебного года я так раскачаюсь.

- Ты занимаешься спортом? - спросила Миранда, предполагая, что он хочет попасть в команду по американскому футболу или типа того. Зачем еще ему большие мышцы?

- Не, спорт для тупиц. Просто хочу раскачаться, чтобы все знали, что со мной шутки плохи.

Миранду не привлекали огромные парни, но важнее было, что такое нравится Таду, а не ей. Во всех статьях про то, как найти парня, говорилось, что следует проявлять внимание и заинтересованность: задавать вопросы, чтобы он мог продолжать говорить о себе, а про себя много не болтать.

И Миранда вела себя идеально. Не ела перед ним. Направляла беседу в его сторону, позволяла выбирать, куда они пойдут и что будут делать. Дала себя полапать. Все шло как по нотам. Миранда лишится девственности максимум через три недели. Конечно, секса на первом свидании не будет. Надо немного его подинамить.

И тогда на первое занятие в начале девятого класса она приедет на переднем сиденье «Камаро» Тада, пока Лорен будет вся потная катиться в школу на велике, как маленький ребенок.

Но именно тогда на фудкорт должны были припереться эти три суки. Миранда увидела, как они купили еду в Макдоналдс и уселись в паре рядов от Тада. Девки бросились ей в глаза, потому что все трое были выражены в обтягивающие джинсы и яркие неоновые топики разных цветов. «Выглядят как конфеты “Лайф Сейверс”», - подумала Миранда.

У сучек были начесанные челки и ленты в волосах, как у Мадонны, а на запястьях болтались пластиковые браслеты. Миранда заметила, что грудь девчонок практически выскакивала из топиков, и подумала, что, может, сделав выбор в пользу рубашки, она слишком поскромничала. По плану у Тада должно было возникнуть желание расстегнуть пуговицы, но, видимо, следовало показать товар лицом. Может, она забежит в туалет перед сеансом и расстегнет две верхние.

И тут одна из неоновых конфетных сук заметила их, помахала и крикнула: «Эй, Тад!» – а поскольку стояла она довольно далеко, все повернулись посмотреть и увидели, как ее сиськи практически вываливаются из розового топика.

В том числе и Тад, который, не сказав ни слова Миранде, вскочил, помахал в ответ и побежал с ними болтать.

Прошло уже десять минут, и Миранда сомневалась, что он вернется. Парень уселся с тремя сучками за столик и замороженно разглядывал перекатывающуюся под топиком грудь девчонки в розовом. Если он не объявится в ближайшее время, они пропустят фильм, и все планы Миранды пойдут насмарку.

Машинально она макнула картофелину в кетчуп и положила в рот. И еще одну, и еще – пока не заметила, что вот уже половина упаковки оказалась в ее маленьком свинячем животике.

«По крайней мере, Тад меня не видел», – подумала она, поспешно промакивая губы и пальцы салфеткой.

Миранда вздохнула и взглянула на часы. Может, позвонить маме и попросить ее забрать? Но, как следует подумав, девушка решила, что не стоит. Дженис (в мыслях Миранда всегда звала ее «Дженис», хотя в лицо никогда не решалась) сейчас пьет второй или третий стакан виски с содовой, и ее поездка до торгового центра наверняка закончится аварией со взрывом. Да и папа заведет лекцию о парнях-злодеях, не догадываясь, что Миранда и так давно уже знает про это зло и ждет не дождется, когда ей его причинят.

– Выглядишь так, будто потеряла своего лучшего друга, – произнес мужской голос, и Он проскользнул на соседний стул.

Миранда подняла глаза в удивлении:

- Откуда?..

Он показал ей пакет из «Гэп».

- Покупал новые брюки. Кстати, о лучших друзьях, где Лорен?

Естественно, Он хочет знать о Лорен. Миранда пожала плечами:

- Дома, наверное. Я здесь... кое с кем еще.

Она не смогла удержаться от того, чтобы взглянуть налево: в направлении Тада и Неоновых Сук.

- Вот как, - сказал Он, проследив за взглядом, - такая красивая девушка, как ты, достойна лучшего.

Миранда выпрямилась на стуле. Она никогда не замечала, какие у Него красивые глаза. И он был старше Тада - настоящий взрослый.

- Знаешь что, давай я подвезу тебя до дома, - сказал Он. - Может, он завтра заявится к тебе домой с букетом, если сейчас его бросить.

Миранда улыбнулась. Подвезет домой. У нее будет двадцать минут в машине, чтобы убедить Его, что она такая же взрослая, как и Он.

Должно быть несложно. Он же уже сказал, что Миранда красивая.

На следующий день Лорен не ожидала вестей от Миранды. Она предполагала, что подруга будет так зла, что ее бросили в «Автоматах мечты», что не позвонит еще минимум неделю. Поэтому девочка крайне удивилась, когда сразу после завтрака услышала телефон и голос Миранды: «Встретимся у старого призрачного дерева».

– Не могу, – ответила Лорен, и это было правдой. – Мама уехала по магазинам в Силвер Лейк, а я присматриваю за Дэвидом.

– Отстой, – Миранда раздраженно фыркнула. – А после обеда?

– Скорее всего, – ответила Лорен, хотя не особо хотела видеть подругу. Не было никакого желания опять тащиться в зал игровых автоматов. – Она наверняка к тому времени вернется. Слушай, мы же не пойдем в «Автоматы мечты»?

– Боже, конечно, нет. Зачем нам зависать с толпой детей?

Лорен нахмурилась в трубку:

– Но вчера...

– Вчера я осознала, что нет никакого смысла тратить свое время на такого ребенка, как Тад, – надменно заявила Миранда.

«Но ты сама и есть ребенок», – подумала Лорен, но промолчала. Пятнадцать лет – совсем не взрослый возраст, и девочка это понимала, хотя скорее умерла бы, чем признала это при матери.

– Встретимся в час, – отрезала Миранда и повесила трубку.

Девочка положила телефон и сурово посмотрела на него, будто подруга могла почувствовать ее взгляд. А что, если я не хочу идти?

Единственным объяснением тому, что Миранда резко возненавидела «Автоматы мечты», могло послужить лишь то, что С Тадом Ничего Не Вышло. А значит внимание подруги переключилось на кого-то нового, и Лорен опять придется

выслушивать тирады обо всех достоинствах очередной ее цели, а делать этого совсем не хотелось.

Она потянулась к трубке: «Перезвоню и скажу, что не приду».

Но рука девочки остановилась на полпути. Если она скажет Миранде, что не хочет встречаться, та постарается узнать почему, и объяснение Лорен скорее всего закончится ссорой. И что-то ей подсказывало, что сейчас любая ссора способна положить конец их дружбе. Никаких больше встреч у дерева-призрака, никаких больше лучших-друзей-навсегда.

Хотя лучшие-друзья-навсегда и так уже исчезли, да?

Немного стыдясь себя, Лорен все же допустила, что в начале учебного года их пути и так потихоньку разойдутся. В школе появится больше ребят, с которыми можно будет пообщаться: Смитс Холлоу был достаточно крупным городом, чтобы там имелось целых три начальные школы (две государственные и одна частная католическая, но там мало кто учился), и все они сливались в старших классах в одну.

Миранда станет посвящать время своим увлечениям, которые, по-видимому, ограничиваются в основном мальчиками постарше и машинами, а Лорен – своим, и каждая пойдет своей дорогой, не держа обиды.

Заявить подруге, что она больше не желает видеться, значило спровоцировать реальный конфликт. А Лорен не была уверена, что готова к такому. И даже немного стыдилась, что она такая трусиха и не может постоять за себя перед девочкой, которую знает с детства.

Однако это было частью другой проблемы, которая беспокоила Лорен в последнее время: Миранда постоянно строила планы, предполагая, что подруга на них сразу подпишется, и совсем не прислушивалась к ее (справедливости ради, крайне вялым) протестам. Решись Лорен постоять за себя, Миранда бы просто растворилась.

Растаяла бы, как Злая Ведьма Запада в старом «Волшебнике из страны Оз».

Она представила, как Миранду затягивает в землю, и она исчезает вместе со своими модными джинсами Jordache и высоким, как у чирлидерши, конским хвостом, и слабо сипит: «Я таю... Я таю...».

«Пожрана темнотой», – подумала Лорен и подивилась, откуда взялась эта мысль. Ее передернуло: фраза была полна злобы, и, кажется, злоба эта не была ее собственной.

В лесу кто-то есть.

В ее лесу – в лесу, который всегда был ей рад, который так ее успокаивал.

Кто-то оставил кровавый след на ее велосипеде.

Кто-то убил двух девочек и оставил расчлененные тела во дворе у миссис Шнайдер.

Там было так много крови.

Это слова Дэвида. Лорен была уверена, что мама не допустила бы, чтобы Дэвид услышал бы что-то подобное – она прилагала максимум усилий, чтобы и словом не обмолвиться об этом инциденте в присутствии сына. После ужина мама вполголоса поведала дочери обо всем, пояснив: «Лорен, я не знаю деталей. Но знаю, что ребята станут обсуждать это на улице, и хотела, чтобы ты была в курсе ситуации».

Именно из-за этой «ситуации» офицер Хендрикс вчера проезжал мимо их дома на патрульной машине, и, вероятно, поэтому и не заметил Лорен на съезде.

Девочек разорвали на мелкие кусочки – тут любой перепугается.

Лорен и сама изо всех сил старалась не поддаваться страху, упорно отрицая саму идею, что мертвые девочки существуют где-то за пределами ее вчерашнего видения.

Получается, она экстрасенс или типа того? И что она вообще видела? Монстра? Или человека? Воспоминание стало стираться почти сразу, как все закончилось,

оставив после себя лишь блеклый образ, в котором было понемногу от того и от другого.

Будто человек с душой монстра и жуткими когтями. Или, может, монстр, но с душой и руками человека.

Наверняка она знала лишь то, что ей нельзя было никому об этом рассказывать. Миранда только посмеется над ней – если вообще даст Лорен вставить слово, – а мама просто запишет дочь на прием к психиатру (еще и жалуюсь на новую статью расходов).

– Только Дэвид об этом знал, – сказала Лорен.

– Я об этом знал? – переспросил Дэвид.

Лорен подскочила и повернулась, притворно схватившись за сердце.

– Господи, ты хочешь, чтобы у меня инфаркт случился?

Дэвид стоял у входа в кухню с фигуркой солдата Джо в руках.

– Только у стариков бывают инфаркты.

– Неа. У кого угодно может случиться инфаркт. Кроме малышей, вроде тебя, – добавила Лорен. Она не хотела, чтобы Дэвид начал бояться сердечного приступа.

– О чем я знал?

Лорен посмотрела на него пустым взглядом, но через минуту вспомнила:

– А. Вот ты о чем.

Девочка не была уверена, что стоит обсуждать это с братом. Маму это разозлит – особенно если учесть, как демонстративно она избегала этой темы, пока Дэвид не ушел вчера вечером спать. Хотя мама разозлится в любом случае.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«У меня постоянно чувство, будто за мной кто-то следит» (здесь и далее прим. пер.).

Купить: https://tellnovel.com/genri_kristina/derevo-prizrak

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)